

МИХАИЛ ГАСПАРОВ

ГАСИЯ

Михаил Гаспаров

**Собрание сочинений в
шести томах. Т. 1: Греция**

«НЛО»

2021

Гаспаров М. Л.

Собрание сочинений в шести томах. Т. 1: Греция /
М. Л. Гаспаров — «НЛО», 2021

ISBN 978-5-44-481452-9

Первое посмертное собрание сочинений М. Л. Гаспарова (в шести томах) ставит своей задачей максимально полно передать многогранность его научных интересов и представить основные направления его исследований. В первый том включены работы Гаспарова по антиковедению, главным образом посвященные Древней Греции. Наряду с аналитическими статьями, составляющими основное содержание тома и объединенными в тематические группы по жанровому и хронологическому принципу, в издание входят предисловия и сопроводительные статьи к переводам древнегреческих памятников. В них предельно сжато и ярко характеризуется как творчество отдельных поэтов (например, Пиндара), так и художественная специфика целого жанра (эпиграммы или басни). Эти статьи неотделимы от собственно переводов, фрагменты которых включены в каждый тематический раздел, поскольку в понимании Гаспарова перевод – едва ли не главная форма осмысления античного наследия. Главная в том числе и потому, что своей важнейшей задачей он считал приблизить к пониманию античности максимально широкую аудиторию. Потому этот том открывается «Занимательной Грецией» – одновременно и самым «ненаучным», и самым популярным трудом Гаспарова, посвященным древности. В нем как нельзя лучше прослеживается идея, объединяющая все столь разнообразные работы ученого: сделать античные тексты и античных авторов не просто понятными, но и говорящими языком естественным и близким читателю современной эпохи.

ISBN 978-5-44-481452-9

© Гаспаров М. Л., 2021

© НЛО, 2021

Содержание

ОТ ИЗДАТЕЛЯ	7
О МИХАИЛЕ ГАСПАРОВЕ	9
СЛОЖНАЯ «ПРОСТОТА» МИХАИЛА ГАСПАРОВА	12
ЗАНИМАТЕЛЬНАЯ ГРЕЦИЯ	20
ОТ СОЧИНТЕЛЯ	20
ЧАСТЬ ПЕРВАЯ	22
ЧАСТЬ ВТОРАЯ	61
Конец ознакомительного фрагмента.	68

Михаил Леонович Гаспаров
Собрание сочинений в
шести томах Том I Греция

ОТ ИЗДАТЕЛЯ

Сила гравитации большой личности неизбежно порождает вокруг себя мифологическое поле – недаром М. Л. Гаспаров давно стал героем саг и легенд гуманитарного сообщества. По тем же сложным мифотворческим канонам был организован и научный универсум Михаила Леоновича. В этом интеллектуально насыщенном пространстве обитало несметное количество исторических и литературных персонажей, временной и пространственный диапазон определялся категориями вечности, а художественная креативность и строгая эмпирика сливались в причудливом симбиозе.

В этой модели вселенной, однако, трудно вычленить авторитарную мыслительную вертикаль: в ней нет ни древа мира («великой идеи»), ни пресловутого краеугольного камня («главного труда жизни»), на основании которых ученого можно было бы залучить в компанию пророков или учителей жизни. Пространство, сотворенное Гаспаровым, – это конгломерат самостоятельных и часто самодостаточных территорий научной мысли, часть которых успешно им колонизирована, а часть лишь обозначена пунктиром.

Не случайно Михаил Леонович при всей его многолетней безупречной профессиональной репутации стал для общегуманитарной среды знаковой фигурой именно в 1990-е годы. Его протеическая способность ускользать от диктаторских претензий «научных школ» и монологических концепций, его виртуозное владение различным профессиональным инструментарием и жанровыми категориями во имя расширения и обогащения научного поиска – эта жизненная стратегия стала для отечественных гуманитариев, ищущих свой путь в стремительно трансформирующемся культурном пространстве, и путеводной звездой, и интеллектуальным вызовом.

Масштаб личности ученого, широта его диапазона исследований, его научного и культурного кругозора поставили перед составителями его посмертного собрания сочинений непростую задачу. Как в ограниченном объеме 6 томов передать всю многогранность научного наследия Гаспарова и в то же время впервые сформулировать основные направления его исследований? В результате бурных и плодотворных дискуссий члены редколлегии проекта пришли к выводу, что при всех метаморфозах академической деятельности Михаила Леоновича в ней можно уловить главные смысловые линии его творчества, коими, по их мнению, можно считать следующие:

- историю античности и средневековья,
- историю и методологию науки,
- стиховедение,
- историю русской поэзии,
- переводческую деятельность.

Именно эти основные характеристики его деятельности предопределили содержание каждого из томов. Уникальность и научная ценность концепции собрания сочинения М. Л. Гаспарова, предложенной составителями, заключаются в том, что:

А) тома формируются вокруг «смыслообразующих» монографий (том о Древней Греции откроется «Занимательной Грецией», в том о переводах будет включена монография «Экспериментальные переводы», в том о русской поэзии – «Метр и смысл», том об истории и методологии науки завершится «Записями и выписками»);

Б) в каждом томе просветительские тексты на равных правах соседствуют с академическими штудиями.

Хотелось бы более подробно остановиться на второй особенности данного проекта, поскольку сосуществование в одном пространстве научных и популярных текстов явно противоречит общепринятой жанровой иерархии письма и, казалось бы, нарушает негласную волю

самого Гаспарова, который отказывался включать популярные произведения в прижизненные собрания сочинений.

Дело в том, что Михаил Леонович профессионально сформировался в послевоенной гуманитарной среде, которая серьезно пострадала от погромных кампаний конца 1940-х годов. Стремясь оградить себя от идеологической индокринации и профанации академического знания, гуманитарии сформулировали принципы «высокой» – по сути позитивистской – науки, которая не приемлет демагогии и бездоказательности. Это была вынужденная и во многом оправданная стратегия, но ее оборотной стороной стало пренебрежение к популяризаторству, которое было отдано на откуп дилетантам. Тем ученым, которые тяготели к просветительству, приходилось скрывать свои «дурные» наклонности, дабы избежать цехового осуждения. Напомню, каким суровым упрекам со стороны многих коллег подвергся Ю. М. Лотман за свои блистательные телевизионные «Лекции о русской культуре», как порицали А. Я. Гуревича за то, что он слишком много публикуется и читает факультативные лекции в разных учебных заведениях и т. п. Симптоматично, что принесшие Гаспарову славу в широкой читательской среде «Занимательная Греция» (написанная еще в 1970-х годах), «Записи и выписки», «Экспериментальные переводы» и «творчество» Ящука появились в постсоветское время, когда произошли известная демократизация гуманитарной жизни и частичное ослабление академической замкнутости.

Если из нашего времени непредвзято посмотреть на вышеупомянутые произведения, а также на популярные статьи Гаспарова из энциклопедий, антологий и труднодоступных изданий, то они представляют собой блестящие образцы подлинно научных текстов, «переведенных» на неспециализированный язык, но при этом лишенных и тени банализации смысла. Включение их в собрание сочинений очень обогащает содержание каждого тома, а главное – наглядно показывает эволюцию научной мысли Гаспарова: как разработка в академических статьях определенных тем и мотивов постепенно кристаллизуется в монографиях, а затем в сжатом виде перетекает в популярное изложение.

Таким образом, в этом проекте предпринята попытка представить читателю максимум разнообразных и в то же время очень цельных в единстве взгляда, подхода, ракурса трудов М. Л. Гаспарова. К сожалению, даже в шесть больших томов невозможно уместить весь необъятный корпус текстов, созданных ученым за долгие годы работы, поэтому данное собрание сочинений никак не может претендовать на звание полного, оно, по замыслу его создателей, лишь стремится быть наиболее репрезентативным. Чтобы как-то компенсировать отсутствие многих важных трудов Гаспарова, каждый том будет сопровождаться библиографией – списком текстов, которые по разным причинам не вошли в содержание книги (библиографию к двум «античным» томам см. во втором томе). Сводный именной указатель читатель сможет найти в шестом, завершающем томе собрания сочинений.

Разумеется, этот проект – лишь первое приближение к глубокому изучению творчества М. Л. Гаспарова в контексте развития отечественной гуманитарной мысли XX века, это приглашение российского интеллектуального сообщества к серьезному разговору о социальной роли и функции современного академического знания.

Для меня же лично (как издателя многих работ Михаила Леоновича) данное собрание сочинений – это дань уважения большому ученому, примирившему гуманитарную науку с художественным творчеством и соединившему Касталию с профанным миром.

Я хочу выразить огромную благодарность всем членам научной редколлегии проекта, предложившим оригинальную концепцию собрания сочинений, и особую признательность Алевтине Михайловне Зотовой, хранительнице наследия М. Л. Гаспарова, так бесконечно много сделавшей для продвижения его творчества.

Ирина Прохорова

О МИХАИЛЕ ГАСПАРОВЕ

Михаила Леоновича Гаспарова не стало в 2005 году. Остались научные труды: десятки книг и сотни статей по истории античной литературы и стиховедению; переводы с древних и новых языков; захватывающе интересные книги для детей («Занимательная Греция», «Капитолийская волчица», «Занимательная мифология»), которые с удовольствием читают и их родители; а еще удивительная, трудноопределимая по жанру (причудливый сплав дневниковых заметок, воспоминаний и литературно-критических эссе) книга для взрослых, которую с пользой для себя прочтут дети, когда вырастут, – «Записи и выписки».

Русскую и не только русскую поэзию Гаспаров знал как никто, и наряду с глубокой разработкой сложных теоретических проблем стиховедения, а в последние годы лингвистики стиха он много внимания уделял и практическим разборам отдельных стихотворений. Он говорил, что делает это сам для себя, чтобы дать себе отчет, почему такой-то текст производит на нас эстетическое впечатление, ответить на вопрос, как сделано стихотворение. Когда речь идет о разборе простых стихотворений, это называется «анализ», когда о разборе сложных – «интерпретация». По его словам, он намеренно избегал поисков «подтекста» – скрытых реминисценций поэта из других стихов, ограничивался только тем, что прямо дано в тексте и воспринимается даже неискушенным читателем, и старался останавливаться там, где искушенный читатель может сам перейти к более широким обобщениям. Главной заботой для него было описать очевидное, а это не так просто, как кажется. Некоторые из этих монографических разборов позже использовались в курсах лекций по анализу поэтического текста, прочитанных в МГУ и РГГУ.

В этом далеко не полном собрании сочинений М. Л. Гаспарова мы попытались собрать – помимо некоторых наиболее интересных монографий – разбросанные по разным книгам, журналам, лекциям, докладам (для коллег, студентов, старшеклассников) разборы конкретных стихотворений, от более простых к более сложным. Даже анализ «ясных» – привычных, хрестоматийных стихов Пушкина, Лермонтова, Фета – приводит порой к неожиданно широким выводам, а искусная гаспаровская интерпретация позволяет понять самые «темные» поэмы и стихотворения Хлебникова, позднего Брюсова, Цветаевой, Пастернака, Мандельштама. Поэтому нам кажется, что эта книга будет полезна и интересна не только специалистам-филологам, но и всем тем, кто просто любит стихи и хочет понять их.

Несомненно, заинтересуют читателя и статьи о сложных отношениях С. Я. Маршака с меняющимся временем, об объявленном советской критикой «фокусником и формалистом» талантливым поэте Семене Кирсанове, и небольшие эссе о малоизвестных и забытых поэтах, в том числе о Вере Меркурьевой, которую Михаил Леонович буквально открыл, разыскав в ЦГАЛИ никогда не печатавшиеся стихи и письма этой талантливой поэтессы.

Познакомились мы с Михаилом Леоновичем, тогда, конечно, просто Мишей Гаспаровым, в десятом классе, в литературном кружке при филологическом факультете МГУ. Кружок, куда приезжали десятиклассники со всей Москвы, занимался на четвертом этаже старого, с Герценом и Огаревым, университетского здания на Моховой. Другой корпус – через улицу, с куполом и облокотившимся на большой глобус во дворе Ломоносовым, назывался «новым», хотя уже достраивалась высотка на Ленинских горах. В университете школьников поразили широкая, но крутая лестница из ребристых железных плит со стертymi, стесанными за двести лет до скользкого блеска, даже чуть вогнутыми посередине ступенями, и крошечные, куда меньше школьного класса, комнатухи, гордо именуемые аудиториями. На следующий год мы поступили в МГУ, Миша – на классическое отделение филфака, я – на только что открывшийся факультет журналистики. Филфак был на четвертом этаже, а журналистика – на первом. На переменах мы бегали друг к другу повидаться, а после занятий подолгу просиживали на

широком лестничном подоконнике, и он читал удивительные, певучие стихи неизвестных мне раньше поэтов – Белого, Гумилева, Мандельштама. В первый раз я ошиблась, сказала: «Мандельштамп», – он поправил, но не смеялся.

На втором курсе мы поженились (и прожили вместе больше 50 лет), на пятом у нас родилась дочка Алена, а через 8 лет сын Владимир, которого в семье звали Димой. Дочь впоследствии стала детским психологом, а сын в какой-то мере пошел по стопам отца. В 2020-м году он умер от коронавируса, тоже оставив богатое литературное наследство: стихи, прозу, переводы, пьесы. Но писал он, чтобы не путали с отцом, только под псевдонимом Илья Оказов, к сожалению незарегистрированным, и теперь нет официальных доказательств его авторства, что делает невозможным издание всех этих работ. Кроме переводов и небольших рассказов в газетах и журналах он сумел выпустить только одну большую книгу «Аббасидские байки. Багдадские халифы и их подданные», похожую на «Занимательную Грецию», но не на греческом материале, который нам хоть отчасти известен, а на арабском.

Университет мы окончили в 1957 году. М. Л. начал работать в Институте мировой литературы младшим научным сотрудником (с зарплатой 105 рублей), а я – редактором в научно-издательском отделе одного полувоенного института.

Первой публикацией Михаила Гаспарова стала в 1958 году напечатанная в «Вестнике древней истории» статья «Зарубежная литература о принципате Августа». Затем в этом же журнале и в выходявших тогда же в Издательстве АН СССР первых томах «Истории римской литературы» появился ряд других его статей.

В 1962 году вышла первая большая книга его переводов басен малоизвестных тогда у нас античных поэтов Федра и Бабрия, а вслед за тем «Жизнь двенадцати цезарей» Светония, «Басни Эзопа», «Поэзия вагантов» и ряд других интереснейших переводов, снабженных комментариями и увлекательными вступительными статьями об этих авторах и их времени, которые читатели найдут в первых двух томах настоящего издания.

Первой большой научно-популярной (а вернее, научно-художественной, если можно так назвать этот жанр) книгой стала «Занимательная Греция». Выходила она очень трудно: рукопись приняли в «Детгизе», очень хвалили, и пролежала она там почти 20 лет (никак не могли подобрать нужных иллюстраций), пока автор сам не забрал ее из издательства. По тем временам – дело неслыханное, смотреть на это сбежались сотрудники со всех трех этажей.

Тут как раз кончилась советская власть, развалилось книжное дело – издавать книги стало рискованно. Рукопись побывала в четырех или пяти издательствах. У некоторых даже не было своего помещения, и приходилось решать все вопросы и согласовывать правку в вестибюле Ленинской библиотеки или даже в метро, прерываясь на шум каждого проезжавшего поезда. Занималась этим в основном я после основной работы. Мы с мужем сами подбирали иллюстрации из всех доступных книг, добывали фото музейных греческих ваз и пр., находили специалистов, которые делали черно-белые и цветные слайды. С остальным оформлением (буквицы, концовки, шмуцтитутлы) нам помогала замечательная художница Татьяна Ивановна Алексеева. Всего набралось более 300 иллюстраций, но основная их часть, к сожалению, не вошла в книгу (за исключением двух подарочных экземпляров, выпущенных позже издательством «Фортуна»). Наконец в 1995 году многострадальную «Занимательную Грецию» удалось издать совместными усилиями «Греко-латинского кабинета Ю. А. Шичалина» и издательства «Новое литературное обозрение» («НЛО»), но только с простейшими графическими рисунками и собственноручно начерченными Михаилом Леоновичем картами, благо, предвидя трудности с картинками, он изначально старался писать так наглядно, чтобы и без картинок было понятно. Впоследствии книга неоднократно (более 15 раз) переиздавалась «НЛО» и другими издательствами, включая зарубежные.

А вообще 1995 год был богат для нас событиями: вышла после всех мытарств «Занимательная Греция» и там же, в «НЛО», «Избранные статьи» (с тремя разделами: «О стихе»,

«О стихах», «О поэтах»), отмеченные позже малой Букеровской премией. Еще до этого, в 1994 году, М. Л. Гаспарову была присуждена Государственная премия Российской Федерации (за «Русский стих 1890–1925 годов в комментариях» и переводы Авсония, вышедшие в 1993 году). Позже он был удостоен еще нескольких литературных премий: Андрея Белого (1999, за «Записи и выписки»), им. Бориса Пастернака, а также академической премии им. А. С. Пушкина (2004, за трехтомник «Избранные труды»).

Так дальше и шло: росли дети, потом внуки; из Института мировой литературы М. Л. перешел в 1990 году в Институт русского языка АН (в сектор стилистики и языка художественной литературы) и по совместительству с 1992 года работал в Институте высших гуманитарных исследований при РГГУ; от младшего научного сотрудника он дорос до действительного члена Российской академии наук. Менялись страна и условия для научной работы: появилась возможность выезжать с курсами лекций и на научные конференции за рубеж (в Принстон, Стэнфорд, Лос-Анджелес, Вену, Пизу), а главное – выходили все новые и новые книги. Я не буду на них останавливаться, в настоящем издании читатель найдет список его избранных трудов, а всего их (вместе с посмертными публикациями) 623 названия.

В большинстве этих книг (кроме уж совсем специальных) я была редактором, читала и правила бесчисленные корректуры, сверяла таблицы и т. д. Но больше всего я довольна тем, что уже после смерти Михаила Леоновича мне удалось издать несколько его неопубликованных книг, таких как «Капитолийская волчица. Рим до цезарей» (я нашла ее в маленьком блокнотике, исписанном вдоль, поперек и наискосок мельчайшим «гаспаровским» почерком, простым карандашом, почти стершимся за 40 лет), «Занимательная мифология», отличающаяся от всех других тем, что едва ли не впервые представляет греческую мифологию не как собрание разнородных героических сюжетов, а как единую историю отношений между богами и людьми, и два тематических сборника: «Филология как нравственность. Статьи, интервью, заметки» и «Ясные стихи и „темные“ стихи. Анализ и интерпретация», а также собрать разбросанные по разным труднодоступным журналам и газетам его научные и публицистические статьи, интервью и даже его собственные стихи, сохранившиеся в компьютере и записных книжках.

А главной наградой для меня стало посвящение во втором издании «Записей и выписок», над которым М. Л. работал до последних дней, уже в больнице. Вышло оно уже после его смерти, тоже в «НЛО». На отдельной странице, сразу после титула, там написано:

Моей жене

Алевтине Михайловне Зотовой

с благодарностью за всю жизнь

и на всю жизнь

А. М. Зотова

СЛОЖНАЯ «ПРОСТОТА» МИХАИЛА ГАСПАРОВА

ПРЕДИСЛОВИЕ К I И II ТОМАМ

Новое собрание трудов Михаила Леоновича Гаспарова открывается двумя томами его работ о древности: античности и средневековье. Это само по себе вполне понятно; главная причина здесь чисто хронологическая. Наследие Гаспарова огромно и покрывает весьма объемные и протяженные пласты русской и европейской культуры, но для них обеих античность – естественный и неотъемлемый исток, без которого немислимы явления куда более современные, как поэзия столь любимых Гаспаровым Манделштама, Брюсова или Анненского. Разумеется, это довольно банальный трюизм, но в трудах Гаспарова многие простые истины предстают как-то по-новому свежо и потому по-новому убедительно. Как кажется, для него эта связь времен всегда была очень важна, и не случайно его первым шагом в осмыслении классических литератур стала курсовая работа на втором курсе МГУ, сравнивавшая комедии Аристофана с «Мистерией-буфф» Маяковского. Понятно, что в «Записях и выписках» этот студенческий опыт представлен с максимальной иронией (а когда Гаспаров вообще писал о себе без нее?): как самонадеянная заносчивость юности, о которой ныне «страшно подумать» и от которой уже на следующем курсе он счастливо «опамятовался»¹. Но сам этот выбор кажется чрезвычайно показательным – и его отзвуки можно уловить во многих уже вполне зрелых работах Гаспарова, от анализа риторических топосов в прозе Чехова до скрупулезного разбора античных метров в русской поэзии. Для него важность античности для современности – это не просто общая декларация, но и (как любой предмет его исследований) повод для максимально пристального разбора конкретных и важных деталей и механизма этой рецепции, не абстрактный лозунг, а естественная суть разбираемых явлений.

Естественность помещения античности и средневековья в начало собрания трудов подкрепляется еще и тем, что хронологическое первенство древних эпох для Гаспарова – это не просто историческая данность, но еще и факт личной биографии. О многогранности его научного наследия писали многократно; и действительно, в нашей филологической науке существует по крайней мере три Гаспарова: специалист по античности (медиевистика, правильно или нет, чаще всего воспринимается как некое естественное продолжение его классических штудий), по сути создатель и главная фигура в отечественной школе стиховедения – невероятно сложной науки, лежащей на грани литературоведения и лингвистики, и, наконец, один из наиболее тонких интерпретаторов и комментаторов русской поэзии. И это только в рамках того, что традиционно причисляется к «чистой» гуманитарной науке, – а ведь огромную часть его наследия составляют переводы самых различных авторов самых разных эпох; да и среди его академических работ немало того, что трудно уложить в эту трехчленную структуру и скорее следует отнести к истории и теории (если избегать не очень им почитаемой «философии») гуманитарного знания в целом. И если проследить эволюцию Гаспарова-ученого, то вплоть до конца 1980-х годов в нашем гуманитарном сообществе его знали прежде всего (если не исключительно) как филолога-классика, и уже потом его отчасти вытеснил и даже затмил Гаспаров-стихoved и Гаспаров-комментатор Манделштама и Пастернака.

Эту научную метаморфозу Михаил Леонович в своих автобиографических заметках и интервью стремился объяснить прежде всего внешними и как бы «приземленными» причинами: античность была той областью, которая в наибольшей степени была защищена (в силу

---

¹ Гаспаров М. Л. Записи и выписки. М.: Новое литературное обозрение, 2000. С. 311.

отдаленности предмета) от советского идеологического диктата, и потому тут можно было спокойно заниматься тем, что интересно и нравилось, а главное, так, как было интересно и нравилось. «Античность не для одного меня была щелью, чтобы спрятаться от современности. Я был временно исполняющим обязанности филолога-классика в узком промежутке между теми, кто нас учил, и теми, кто пришел очень скоро после нас. Я постарался сделать эту щель попросторнее и покомфортнее и пошел искать себе другую щель»². В этих словах сквозит явное желание показать условность и даже вынужденность данного периода своей научной биографии; совсем не случайной (учитывая, как тщательно Гаспаров выбирал слова) кажется другая фраза о том, что он провел в античном секторе Института мировой литературы ровно «тридцать лет и три года» – по мысли автора, видимо, набираясь сил, как былинный богатырь, для своих главных свершений. Многим коллегам-античникам памятли частые разговоры о том, что он не ученый-классик, а в лучшем случае популяризатор и переводчик (к этой теме мы еще вернемся); а в его интервью, данном уже в начале 2000-х студентам кафедры античной культуры РГГУ, замечательно и то, как он сравнивает «свое время» в классической филологии с «их временем», причем сравнивает как бы на равных, и то, сколь решительно звучит «нет» в ответ на вопрос, следит ли он за тем, что делается в данный момент в классической науке³.

Конечно, в объяснении выбора античности «условиями среды» есть своя правда; этой логикой и впрямь руководствовались многие, занятия древностью в советскую эпоху были не только «бегством от современности», но и своего рода интеллектуальной фрондой. Конечно, в этих простых объяснениях звучит и свойственное Гаспарову подчеркнутое самоуменьшение. В ораторском искусстве соответствующая риторическая фигура именуется литотой – и известно, что в иных случаях она, как раз напротив, подчеркивает важность описываемого явления. И кажется, что занятия античностью и средними веками для Гаспарова стали первым этапом не только в чисто хронологическом смысле, не только «первым по порядку», но, хотя бы отчасти, и «первым по значению» (разделение, тоже взятое из античных риторических теорий). Если взглянуть на то, какие предметы и каких авторов он в этой области выбирал, а главное, на саму манеру и те формы, в которых он об этих предметах и авторах говорил, то становится заметным, что выработанные в этот период методы и приемы сохранились и во многих последующих его трудах на совершенно другие темы. И именно они делают разных Гаспаровых одним.

Одна из наиболее известных цитат Гаспарова: «Филология – наука понимания». К филологии классической она применима, быть может, в наибольшей степени. Изучение мертвых языков – что это, как не постижение того, что в принципе неизвестно никому и поэтому и есть суть языка вообще? Изучение текстов древних культур – что это, как не попытка приблизить нас к авторам, отстоящим от нас на сотни и тысячи лет, «перевести» на язык современного читателя то, что в принципе кажется «непереводимым»? А именно в таком переводе и состоит, по Гаспарову, самая суть филологии. Поэтому можно сказать, что занятия античностью – это альфа и омега его филологического метода, одновременно и первые опыты в нем, и его квинт-эссенция. В конце концов, филология вообще выросла из филологии классической; Михаил Леонович повторил этот путь науки в целом в становлении той ее составляющей, которую можно назвать филологией «гаспаровской».

Именно стремление к пониманию и стало основой и стимулом в занятиях Гаспарова античностью. Он многократно подчеркивал, что предпочитал латинские тексты и римскую культуру греческой прежде всего в силу того, что она ему была понятнее, – но, конечно, в обычной своей самоуничижительной манере объяснял это своей «неспособностью» к языкам,

---

² Там же. С. 314.

³ М. Л. Гаспаров. О нем. Для него. Статьи и материалы / Сост., предисл. М. Акимовой, М. Тарлинской. М.: Новое литературное обозрение, 2017. С. 315–334.

и поскольку латинский язык понятнее и легче, он ему и больше подошел. «Я рано привязался к пути наименьшего сопротивления, латинских авторов для собственного удовольствия понемножку читал, а от греческих уклонялся». Никак нельзя принять всерьез эти резоны от переводчика Пиндара, Парменида и Аристотеля, но, пожалуй, во всех подобных его рассуждениях ключевое слово «проще». Латинский язык «проще» – с этим вообще-то можно поспорить, но важно то, что в изучении античности Гаспарова тянуло к «простоте», понятности, которую он поначалу нашел именно у римских авторов. Что же означает эта «простота»?

Как кажется, ее наиболее адекватным синонимом является ясность. Сравнивая себя с одной из символических фигур старшего поколения, А. Ф. Лосевым, Гаспаров писал: «Его античность – большая, клубящаяся, темная и страшная, как музыка сфер. Она и вправду такая; но я поэтому вхожу в нее с фонарем и аршином в руках, а он плавает в ней, как в своей стихии, и наслаждается ее неисследимостью»⁴. Гаспаровский «фонарь» здесь – метафорическое воплощение этой тяги к ясности; она стала целью всего его научного пути, вплоть до комментариев к наиболее «темным» стихам Пастернака и Мандельштама. Но в начале этого пути он настойчиво искал ее именно в античных текстах, ведь не случайно «ясность» была провозглашена одним из главных достоинств художественного стиля именно античной теорией ораторского искусства, которой Михаил Леонович много занимался, замечательно и сжато представив ее понятийный аппарат в статье «Античная риторика как система»⁵.

Помимо «фонаря», для достижения ясности и понимания нужен «аршин». Именно желание «измерить» неуловимое – особенности воздействия и восприятия художественного, прежде всего поэтического, текста – впоследствии ляжет в основу его подхода к поэзии современной и прежде всего его стиховедческих подсчетов, но оно же явственно ощущается и в его антиковедческих статьях. Пожалуй, наиболее яркий пример – это «Сюжетосложение древнегреческой трагедии» с попыткой подробной многоуровневой классификации всех сюжетных структур и механизмов сохранившихся текстов; степень ее исчерпанности и убедительности спорна, но здесь прежде всего важен сам принцип. Принцип, кстати, как представляется, почерпнутый из самой античности, точнее, из «Поэтики» Аристотеля, так же стремившегося разложить трагедию на составные части, из сочетания которых и возникает единое целое. То же стремление восстановить сколько-нибудь ясную структуру в труднорасчленимом художественном целом очевидно в «Строении эпиникия» с его «семью способами краткого, „неотвлекающего“ и четырьмя способами пространного, „отвлекающего“ разнообразия эпиникийной хвалы» (с. 424), иллюстрированными схемой развертывания пиндаровской оды и классификацией различных типов мифологического рассказа. В том же ряду – и объемная статья, посвященная композиции «Поэтики» Горация, где Гаспаров, во многом следуя очень популярной тогда в западной науке тенденции, пытается реконструировать структуру поэтического учебника эллинистического ученого Неоптолема, по свидетельству комментаторской традиции, послужившего основой для «Послания к Пизонам». Надо сказать, что и у западных коллег, и у самого Гаспарова эти реконструкции вышли не очень убедительными: все же «Наука поэзии» – больше поэзия, нежели наука, но опять-таки характерно настойчивое желание за причудливой чередой порой чисто ассоциативных предписаний и примеров уловить неумолимую последовательную логику технического руководства.

Перечисленные работы (а их ряд может быть легко продолжен, например, «Неполнотой и симметрией в „Истории“ Геродота») – пример поиска простого в сложном. Не случайно, по словам самого Гаспарова, именно после работ о «Поэтике» Горация он «навсегда остался в убеждении, что нет такого хаоса, в котором нельзя было бы найти порядок; с этим потом

⁴ Гаспаров М. Л. Записи и выписки. С. 185.

⁵ Гаспаров М. Л. Избранные труды. Т. 1. О поэтах. М.: Языки русской культуры, 1997. С. 556–586. В настоящем издании статья будет опубликована во втором томе.

и работал всю жизнь над любым материалом»⁶. При этом стоит обратить внимание на одну особенность: почти всегда этим аналитическим поискам «алгебры в гармонии» сопутствуют и опыты воссоздания самой «гармонии», то есть перевода тех текстов, о которых идет речь или которые послужили важным источником для исследования. Прозаический перевод «Послания к Пизонам» (редкая сама по себе форма, которой очень не хватает в отечественной традиции) присутствует уже внутри самой статьи о его композиции, а далее, в полном издании Горация, Гаспаров дает уже собственную поэтическую версию; кроме того, поиск эллинистического научного прототипа «Науки поэзии» заставляет его обратиться к переводу пятой книги трактата Филодема «О поэтических произведениях», в которой единственный раз в античной традиции кратко описывается учение Неоптолема, предполагаемого образца для Горация. Статья об эпиникии неразрывно связана с переводами Пиндара, а работа о структуре трагического сюжета очевидно вытекает из перевода «Поэтики». Перевод может предшествовать аналитической статье, а может, напротив, становиться ее дополнительным прояснением, в том числе и много лет спустя: так, еврипидовские «Орест» и «Электра» в переводе Гаспарова, с их последовательной лексической и метрической простотой, позволяют с особой силой подчеркнуть и вывести на первый план трагическое переживание, патос, который в статье выделяется в качестве «основного элемента структуры трагедии»⁷. Перевод античных памятников у Гаспарова может быть и отправной точкой, и итогом исследования, но, главное, он всегда является сутью этого исследования, цель которого – понять и прояснить древний текст и для читателя, и для самого себя.

Нельзя забывать об этом, когда сталкиваешься с еще одной как бы подчеркнуто «заниженной» самооценкой Гаспарова-античника: «какой я ученый, я переводчик». «Переводя, читаешь текст внимательнее всего: переводы научили меня античности больше, чем что-нибудь иное»⁸. И надо сказать, что именно переводы Гаспарова, поражающие своим объемом и разнообразием жанров, «научили античности» огромную читательскую аудиторию, в том числе и ту, для которой древность не являлась сферой ни профессиональных занятий, ни даже специального интереса, – научили именно потому, что являлись плодом его замечательного искусства: «науки прояснения». Неслучайно он сам называл наиболее интересным опытом в данной области перевод тех авторов, с которыми он «меньше всего чувствовал внутреннего сходства», – Пиндара и Овидия – то есть тех, кого изначально совсем не понял и старался «объяснить» и для себя, и для окружающих. Именно поэтому, наверное, среди его переводов особенно запоминаются самые «темные» тексты – тот же Пиндар или, скажем, Аристотель, где неуклонное желание понять лаконичные фразы «Поэтики» заставляют Гаспарова последовательно давать в тексте дополнения «от себя». И очень похоже, что именно этот экспериментальный опыт прояснения античного текста мог стать толчком к реализованной много лет спустя идее объясняющего перевода «с русского на русский».

Стремление к максимальной ясности как нельзя ярко проявилось и еще в одном жанре, неизбежно сопутствующем переводу античных памятников, жанре, в котором Гаспарову не было и нет равных. Это вступительная статья (иногда послесловие) – форма невероятно сложная из-за своей пограничности между аналитикой и популяризацией. Но именно в силу поразительной естественности сочетания этих двух сторон в самом Гаспарове его предисловия поистине образцовы. И образцовость эта достигается в том числе за счет еще одного свойства как его стилистики, так и научного подхода в целом. Это достоинство стиля – тоже, кстати, почерпнутое из руководств по античной риторике – краткость, способность выразить главное свойство описываемого предмета максимально сжато и выпукло, а оттого – ясно. Здесь достаточно заме-

---

⁶ Гаспаров М. Л. Избранные труды. Т. 1. О поэтах. С. 164.

⁷ Там же. С. 450.

⁸ Гаспаров М. Л. Записи и выписки. С. 312.

тять, как навсегда врезаются в память сами заглавия его предисловий. В «Вергилии, или Поэте будущего» одновременно заключен и провиденциальный пафос «Энеиды», и феномен четвертой эклоги, и образ Вергилия-пророка в культуре средневековья и Возрождения. В «Овидии, или Науке доброты» – и мягкий юмор «Искусства любви» и «Любовных элегий», и потрясающее «очеловечивание» мифологии в «Героидах» и «Метаморфозах». Зачастую в этих кратких названиях скрыт ответ на серьезный научный вопрос: так, «Катулл, или Изобретатель чувства» помещает утверждение лирики как особой литературной формы именно в Рим I века до н. э., причем формы, удивительно естественно встраивающей личное переживание («чувство») в искусно выстроенную риторическую («изобретение») оболочку. И именно в этом жанре чрезвычайно востребованной оказывается столь свойственная Гаспарову тяга к систематизации и классификации: в «пестроте» катуллового сборника последовательно прослеживается взаимодействие трех типов стихов: любовных, хулильных и учено-мифологических, – которые в итоге складываются в единую картину.

Прояснить сложное – это одна из главных задач Гаспарова-античника; но поиск простоты заставляет его как-то по-особому любить и ценить подчеркнуто простые жанры: басню, эпиграмму. Он сам признается, что всю жизнь хотел, но так и не успел написать историю античного анекдота, и неслучайно в его переводе «Жизнеописаний» Диогена Лаэртского именно анекдотические части биографий знаменитых философов запоминаются куда ярче, чем изложение их сложных учений (что вполне соответствует и жанру самого памятника). Так же не успел он и довести до конца комментированный перевод «Мифологической библиотеки» Аполлодора – еще одного примера ученого собрания расхожих сюжетов. С одной стороны, все эти жанры для Гаспарова – важное доказательство того, что простота была исконно присуща самой античности как в выработке литературных форм, так и в осмыслении собственной истории и культуры. С другой – здесь ему по-прежнему важно показать, что простота рождается из сложности. И здесь все те же систематизация и классификаторство создают уже обратную перспективу: за чередой кратких и немудреных басенных рассказов встает сложная структура сборника с различными типами сентенций, а один и тот же сюжет, повторенный разными авторами в разное время, приобретает совершенно различное звучание. В итоге на первый взгляд предельно ясный жанр становится «перекрестком», своеобразным сцеплением разных литературных форм, короткая басня приобретает функциональный объем, схожий с, казалось бы, своей противоположностью – античным романом.

Сложность и простота – вот два полюса гаспаровской античности; упомянутые им самим в качестве наиболее чуждых и потому интересных авторов Пиндар и Овидий их во многом олицетворяют. Именно так, похоже, следует понимать повторяющиеся рассуждения Михаила Леоновича о «сложной» Греции и «простом» Риме. В латинской литературе он скорее хотел продемонстрировать сложность простоты; как он сам точно заметил, говоря о судьбе Катулла в европейской культуре, «за популярность есть расплата: упрощенность»⁹. В Греции, напротив, он искал ясности и простоты – что в причудливых метрических схемах Пиндара, что в загадочных в своей краткости фразах Аристотеля. И именно поэтому вместо так и не написанной научной работы о технике греческого анекдота он решил переложить в анекдоты всю историю греческой культуры. Получилась «Занимательная Греция», «думаю, что самое полезное, что я сделал по части античности»¹⁰. И вот с этой (пусть и, как всегда, иронически поданной) самооценкой Гаспарова нельзя не согласиться, и далеко не только потому, что этот бестселлер придал его имени невиданную ранее популярность за пределами профессионального сообщества. «Занимательная Греция» своей «неслыханной простотой» воплощает самую суть подхода Гаспарова: то, что из уст любого другого античника было бы воспринято как упрощенческая

⁹ Гаспаров М. Л. Избранные труды. Т. 1. О поэтах. С. 82.

¹⁰ Гаспаров М. Л. Записи и выписки. С. 314.

«ересь», у него предстает естественным продолжением или даже пиком всего его научного пути.

Именно поэтому мы и открыли собрание антиковедческих и медиевистических трудов М. Л. Гаспарова «Занимательной Грецией»; именно поэтому в каждом из разделов этих двух первых томов собственно аналитическим статьям сопутствуют более популярные после- и предисловия, а большинство тем и авторов вдобавок проиллюстрированы переводами. Эти три стороны его занятий древностью не просто дополняют друг друга; они нераздельны – точно так же, как в его собственном описании из трех разных Катуллов рождается один, неделимый, одновременно простой и сложный.

* * *

М. Л. Гаспаров не считал себя медиевистом и никогда не числил медиевистику среди своих специальностей. При этом Средними веками занимался, и немало. Особенно много переводил: средневековая литература уступает, пожалуй, лишь античной по объему сделанных им переводов. Написал меньше: помимо работ, включенных в настоящее издание, – многочисленные справки об авторах для «Памятников средневековой латинской литературы», заключительная часть одного из предисловий к тому же изданию и две главы для второго тома «Истории всемирной литературы», одна из которых вышла в свет за тремя подписями (С. С. Аверинцев, М. Л. Гаспаров, Р. М. Самарин). Медиевистика – это 1970–1980-е годы, после сборника «Проблемы литературной теории в Византии и латинском средневековье» (1986), в котором Гаспаров участвовал обширной статьей «Средневековые латинские поэтики в системе средневековой грамматики и риторики», он к этой эпохе почти не возвращался.

Занялся средневековьем Гаспаров, возможно, не по собственному желанию. Сектор античной литературы ИМЛИ, в котором Гаспаров работал, начал во второй половине шестидесятых годов своего рода экспансию на смежные территории – свои по языкам, чужие по времени культуры. В 1968–1969 годах вышли в свет два тома «Памятников византийской литературы», в 1970–1972-м – два тома «Памятников средневековой латинской литературы». Был подготовлен и третий том, о латинском XIII веке, но тут грянул скандал, начальству не понравилось, как пишет Гаспаров, «обилие упоминаний о Господе Боге»¹¹. Гаспарову, который как раз в промежутке между выходами двух латинских томов стал заведующим сектором, пришлось каяться (что он сделал в предельно официозной и предельно издевательской форме)¹², но третий том так никогда и не был опубликован. Кто был инициатором этого выхода за границы античности, установить сейчас уже затруднительно, может быть, М. Е. Грабарь-Пассек, у которой к таким темам был интерес (главная ее книга посвящена античным сюжетам и формам в постантичной литературе), но так или иначе первые опыты Гаспарова в области медиевистики (и не только первые) относятся к так называемым «плановым», или коллективным, работам. Так что закончилась работа в ИМЛИ – закончилась и медиевистика. Но при этом такие работы он вовсе не считал в своем послужном списке каким-то балластом, о котором лучше как можно быстрее забыть. Наоборот. Вспоминая об имлийских коллективных трудах, Гаспаров вспомнил и о В. Шкловском и его словах, что «время умнее нас, и поденщина, которую нам заказывают, бывает важнее, чем шедевры, о которых мы только мечтаем. Я тоже так думаю»¹³.

Начальство настоярилось недаром. Значение «Памятников средневековой латинской литературы» заключается в числе прочего в том, что о средневековой культуре впервые заго-

---

¹¹ Гаспаров М. Л. Избранные труды. Т. 1. О поэтах. С. 399.

¹² Гаспаров М. Л. Записи и выписки. С. 253.

¹³ Там же. С. 312.

ворили другими словами, спокойными, без обязательного обличения мракобесия и обскурантизма – разительный контраст с ситуацией десятилетней давности, с изданием Абеяра в «Литпамятниках», к примеру. Конечно, «Памятники...» были в этом отношении не одиноки, но они были одними из первых («Категории средневековой культуры» А. Я. Гуревича и «Средневековая латинская литература Италии» И. Н. Голенищева-Кутузова – это 1972 год, «Французский рыцарский роман» А. Д. Михайлова – 1976-й), а в отношении «поповской литературы» – так прямо первыми («До этого о такой поповской литературе вообще не полагалось говорить»)¹⁴. Гаспаров в статье, открывающей серию его медиевистических работ, писал, что монастыри были самым жизнеспособным социальным организмом Западной Европы, что они были тесно связаны с народной жизнью, что в них обновилась латинская и родилась немецкая и французская литература¹⁵, – Б. Л. Сучков, директор ИМЛИ (лучший из тогдашних директоров, «умный и незлой», по признанию самого Гаспарова), объяснял работникам сектора, что в европейских монастырях процветало людоедство¹⁶.

Конечно, некоторые приметы «советского» дискурса в работах Гаспарова дают о себе знать. Даже в статье о вагантах (1975), которая плановой не была (хотя выросла из плановой – из гаспаровского добавления к статье Грабарь-Пассек во втором томе «Памятников средневековой латинской литературы»), мы встречаем и «буржуазных ученых», отрицавших творчество безымянных бродячих поэтов, и классовую вражду, и замечание об отсутствии у вагантов социальной опоры, и образцовый до пародийного марксизм в таком, например, утверждении: «Конечно, культурный переворот был лишь последствием социально-политического, а социально-политический – последствием экономического»¹⁷. Но, во-первых, «Поэзия вагантов» создавалась в то время, когда шум по поводу «Памятников» еще не утих, редакторский надзор никуда не делся (а в «Вагантах» было к чему придраться, в том числе и по части «поповской литературы») и надо было усиленно маскироваться, а во-вторых, социальный контекст Гаспаров никогда не был склонен игнорировать (вспомним его признание, что дух времени ему доступен «лишь через материалистический черный ход»)¹⁸. И, разумеется, ни в каком присяжном советском медиевистическом опусе нельзя и вообразить такой, к примеру, «материалистический» тезис, при всем его, казалось бы, прямолинейном социологизме: «Классическая схоластика – такое же порождение новой городской культуры, как и классическая мистика»¹⁹. Городскую культуру было принято оценивать положительно, схоластику и мистику – обличать.

Эта цитата – из статьи для несостоявшегося третьего тома «Памятников средневековой латинской литературы». Есть еще статья С. С. Аверинцева для него же. Вряд ли том с самого начала задумывался с двумя предисловиями; скорее всего, статья Гаспарова возникла или как замена, или как дополнение к статье Аверинцева – когда надежда все-таки пробить этот том в печать еще сохранялась. Поэтому социальной истории в ней много даже для Гаспарова, но все равно общность материала дает уникальную возможность оценить разницу подходов: Аверинцев к духу времени приходит совсем другими путями.

В редакционной врезке к первому тому (неподписанной, но по стилю – явно написанной Гаспаровым) обозначена задача: современный читатель совсем не знает средневековой латинской литературы, она небезынтересна, издание его с ней познакомит. Но чтобы снять ожидаемые претензии, этого мало (да и не удалось), поэтому сказано, что время, когда средневековье

¹⁴ Там же. С. 252.

¹⁵ Гаспаров М. Л. Каролингское возрождение // Памятники средневековой латинской литературы IV–IX веков. М.: Наука, 1970. С. 233.

¹⁶ Гаспаров М. Л. Записи и выписки. С. 253.

¹⁷ Гаспаров М. Л. Избранные труды. Т. 1. О поэтах. С. 356.

¹⁸ Гаспаров М. Л. Записи и выписки. С. 313.

¹⁹ Гаспаров М. Л. Тринадцатый век: общество и литература // Вопросы литературы. Май–июнь. 2016. С. 49.

изображалось как сплошная темная полоса, как эпоха кромешного мракобесия, давно прошло. Оно, это время, что показали дальнейшие события, не прошло – не прошло тогда, не прошло в значительной степени (в массовом сознании и в журналистских клише) и по сей день. Однако задачу свою издание выполнило: после него – не сразу, но вскоре – говорить о Средневековье как о культурном провале стало попросту неприлично, по крайней мере в профессиональной среде.

Гаспаров, рассуждая о соотношении двух своих главных специальностей, антиковедения и стиховедения, ссылаясь для его иллюстрации на детскую картинку: мишка (стиховедение) ловит рыбу из реки и складывает в ведерко, зайка (антиковедение) ловит из мишкиного ведерка²⁰. Медиевистика – это, конечно, еще один зайка (то есть в качестве медиевиста автор работает с материалом «исследованным и переисследованным»). Можно ввести еще одно разграничение, уже внутри антиковедческих работ: работы обзорно-обобщающие (где предшественников очень много) и работы исследовательские (где предшественников очень мало). Медиевистику Гаспарова нужно, конечно, отнести к первому типу (ко второму – разве что только статью о поэзии Иоанна Секунда, единственный случай, когда Гаспаров ушел так далеко не только от античности, но и от средних веков). Это, однако, ни в коем случае не обрекает их на вторичность. И дело даже не в том, что в процессе «переупаковки чужого» возникают «оригинальные мысли» – как в предисловиях к античным классикам²¹. Они действительно возникают: например, о вагантах как о первых европейских интеллигентах²² (мысль, которую Гаспаров будет развивать применительно к русской интеллигенции уже в статьях постсоветского времени, – из первого издания ее, кстати, выкинули). Но главное, в статьях этого типа Гаспаров демонстрирует, и, может быть, нагляднее, чем где-либо еще, одну из главных характеристик своего научного мышления и научного стиля: умение разложить сколь угодно обширный и разнородный материал по рубрикам и подрубрикам и выстроить его в стройной логической последовательности. В процессе такой «переупаковки» возникают не только новые мысли, но и новые связи и новые смыслы. Возникает и неотразимая в своей яркости и убедительности картина литературной истории.

Гаспаровский стиль не спутаешь ни с каким другим. «Три признака характерны для начинающегося к концу XII века кризиса овидианского гуманизма...», «три истока питали вагантскую поэзию...» – сразу видно, что эта часть совместной статьи написана Гаспаровым. И жаль, кстати (при всем уважении к М. Е. Грабарь-Пассек), что она не написана им вся и что не все статьи в «Памятниках средневековой латинской литературы» написаны им – мы бы тогда имели полную гаспаровскую историю средневековой латинской литературы, как благодаря «Истории всемирной литературы» (не самому безукоризненному труду) имеем историю литературы древнеримской, как благодаря «Проблемам литературной теории в Византии и латинском средневековье» имеем продленную за пределы античности историю риторики и поэтики (одна из главных для Гаспарова тем).

Не всем этот гаспаровский подход нравился. Некоторые считали его недопустимым упрощением – и применительно к большим литературным эпохам, и применительно к маленьким лирическим стихотворениям. Но сам Михаил Леонович этого слова не боялся, поскольку считал, что упрощать картину мира – это и есть задача науки. Хочешь заниматься ее усложнением – выбирай другую профессию.

Н. П. Гринцер, М. Л. Андреев

---

²⁰ Гаспаров М. Л. Записи и выписки. С. 315.

²¹ Там же. С. 313.

²² Гаспаров М. Л. Избранные труды. Т. 1. О поэтах. С. 359.

ЗАНИМАТЕЛЬНАЯ ГРЕЦИЯ

ОТ СОЧИНТЕЛЯ

Если вы, молодой читатель, перелистаете эту книгу, посмотрите картинки, заглянете в оглавление, прочтаете по несколько страниц там и тут, то первым вопросом, который вы зададите, будет, наверное, такой: «А это правда так и было?» Я отвечу: и да, и нет.

Правда то, что были славные победы греков над персами, а потом сказочно быстрое завоевание Востока Александром Македонским. Правда то, что спартанцы были непобедимыми воинами, а афиняне лучше других строили мраморные храмы и сочиняли трагедии для театра. Правда то, что в греческом языке впервые появилось слово «философия» и что в Александрийской библиотеке занимались почти всеми теми же науками, какими занимаемся и мы.

Но что вокруг этих событий было столько кстати сбывавшихся предсказаний оракулов; что все герои были героями без страха и упрека, а злодеи – злодеями до глубины своей черной души; что все речи, которые при этом говорились, были такими умными, краткими и складными; что все диковинки земной природы и людских обычаев, о которых слышали древние греки, были и вправду таковы, – за это, конечно, поручиться нельзя. Здесь много выдумки. Чья же это выдумка?

Выдумал это сам греческий народ. Так ведь бывает всегда: когда случится какое-нибудь интересное событие, вести о нем передаются из уст в уста, обрастая новыми и новыми живописными подробностями, и под конец факты так тесно сплетаются с легендами, что ученому-историку приходится много трудиться, чтобы отделить одно от другого.

Как историки восстанавливают действительный облик событий по противоречивым рассказам о них – об этом можно было бы написать очень интересно, но это уже была бы совсем другая книга. Наша же книга – о том, каким запомнили свое прошлое сами древние греки. Можно ли судить о человеке по тому, что он сам о себе рассказывает? Можно: даже когда он присочиняет, мы видим, каков он есть и каким ему бы хотелось быть. Вот так же можно судить и о целой древней культуре по ее рассказам о себе.

Текст дается по изданию: *Гаспаров М. Л.* Занимательная Греция: Рассказы о древнегреческой культуре. М.: Новое литературное обозрение, 2016 (первое издание: М.: Новое литературное обозрение, 1995).

Все, что для нас сейчас само собой разумеется, когда-то было открыто впервые. И то, что надо слушаться закона; и то, что параллельные прямые нигде не пересекаются; и то, что биение пульса в человеке – от сердца; и то, что мысль о вещи может больше о ней сказать, чем взгляд на эту вещь; и то, что интересные истории можно разыгрывать в лицах, и тогда это называется драма. Такие открытия порознь делались и в Вавилоне, и в Индии, и в Китае, и в Греции. Но наша собственная цивилизация, новоевропейская, развивалась главным образом на основе древнегреческой (и сменившей ее древнеримской). Поэтому древнегреческие открытия ближе нам, чем какие-нибудь иные.

Из столетия в столетие в учебниках математики переписывались почти те же определения, какие были когда-то даны Евклидом; а поэты и художники упоминали и изображали Зевса и Аполлона, Геракла и Ахилла, Гомера и Анакреонта, Перикла и Александра Македонского, твердо зная, что читатель и зритель сразу узнают эти образы. Поэтому лучше узнать древнегреческую культуру – это значит лучше понять и Шекспира, и Рафаэля, и Пушкина. И в конечном счете – самих себя. Потому что нельзя ответить на вопрос: «Кто мы такие?», – не ответив на вопрос: «Откуда мы такие взялись?»

Впрочем, это я забегаю вперед. Потому что «познай самого себя» – это тоже один из заветов древнегреческой цивилизации, и вы еще не раз с ним встретитесь в этой книге. Желаю вам успеха!

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ ГРЕЦИЯ СТАНОВИТСЯ ГРЕЦИЕЙ, ИЛИ ДО ЗАКОНА БЫЛО ПРЕДАНИЕ

*Есть племя людей,
Есть племя богов,
Дыхание в нас – от единой матери,
Но сила нам отпущена разная:
Человек – ничто,
А медное небо – незыблемая обитель
Во веки веков.
Но нечто есть
Возносящее и нас до небожителей, —
Будь то мощный дух,
Будь то сила естества, —
Хоть и неведомо нам, до какой межи
Начертан путь наш дневной и ночной
Роком.*

Пиндар

ВНАЧАЛЕ БЫЛА СКАЗКА

Историческая наука начинается с хронологии. Это, может быть, самая скучная часть истории, но и самая необходимая. Если не знать, что было в прошлом раньше и что потом, то все остальные знания теряют всякий смысл.

Греки это понимали и заучивали хронологию старательно. На острове Паросе старание дошло до того, что большая хронологическая таблица по греческой истории была вырезана на мраморе и выставлена на площади, чтобы прохожие смотрели и просвещались. Таблица эта сохранилась. Но выглядит она, на современный взгляд, немного странно. Вот ее начало с небольшими сокращениями.

.....ΟΥ.....ΝΠΑΝ...Ν.....ΝΑΝΑΝΕΓΡΑΥΑΤΟ
.....ΑΡΕΑΜ...ΟΣΑΠΟΚΕΚΡΟΠΟΣΤΟΥΡΡΑΤΟΥΒΑΣΙΛΕΥΣΑΝΤΟΣΑΘΗ
...ΥΑΝΑΚΤΟΣΑΘΗΝΗΣΙΝΔΕΔΙΟΓΝΗΤΟΥ ΑΦΟΥΚΕΚΡΟΥΑΘΗΝΑ
ΜΕΝΗΑΚΤΙΚΗΝΑΠΟΑΚΤΑΙΟΥΤΟΥΑΥΤΟΧΘΟΝΟΣΕΤΗΧΗΝΗΔΠΙΙΑΦΟΥΔ
...ΝΤΟΣΑΘΗΝΑΝΚΕΚΡΟΠΟΣΕΤΗΧΗΝΗΔΑΦΟΥΔΙΚΗΑΘΗΝΗΣΙ...ΝΕΤ

Год 1582 до н. э. царь Кекроп воцаряется в Афинах

Год 1529 всемирный потоп, из которого спаслись Девкалион и Пирра

Год 1519 царь Кадм, основатель Кадмеи, пришел в Фивы из Финикии и научил греков письменности

Год 1432 царь Минос, сын Зевса, воцарился на Крите, а фригийские карлики научили греков ковать железо

Год 1409 богиня Деметра пришла в Афины и научила греков земледелию

Год 1300 Геракл, очистив Авгиевы конюшни и победив царя Авгия, учредил Олимпийские игры

Год 1260 Тесей, убив Минотавра, освободил Афины от дани, дал им законы и учредил Истмийские игры

Год 1251 поход Семерых против Фив, и тогда же учреждены Немейские игры

Год 1208 5 июня. Взятие Трои после десятилетней Троянской войны

Год 1202 Орест, сын Агамемнона, мстя за отца, убивает свою мать, но оправдан судом Ареопага

Год 1128 переселение дорян во главе с царями Гераклидами в Пелопоннес

Год 1085 гибель Кодра, афинского царя, в войне с дорянами. Конец царской власти в Афинах

Год 937 расцвет поэта Гесиода

Год 907 расцвет поэта Гомера

Год 895 аргосский царь Фидон ввел в употребление точные меры, весы и деньги...

Вы скажете: «Разве это история? Это сказка! Это все равно что составлять таблицу по хронологии Киевской Руси и включать в нее даты: тогда-то Илья Муромец убил Соловья-разбойника, а тогда-то Руслан – Черномора».

Грек, услышав такие слова, обиделся бы. Может быть, он сам из знатного рода, который возводит свое происхождение к одному из мифологических героев, упомянутых здесь. Спартанский царь Леонид, герой Фермопил, считал себя прапра- (повторите это «пра» 20 раз!) - правнуком Геракла. Сроком жизни человеческой греки считали 70 лет, лучший срок для рождения сына – середина жизни, 35 лет. Леонид погиб в 480 году до н. э. Отсчитайте от этой даты 23 раза по 35 лет (жизнь Леонида и 22 поколений его предков), и вы окажетесь в 1285 году до н. э., как раз в том времени, в которое Паросская таблица поселяет Геракла. Как же не верить такой хронологии?

И не только тщеславные цари, но и более серьезные люди часто возводили свой род к героям и богам. Гиппократ был великим ученым, отцом греческой медицины; мы с ним еще встретимся в этой книге. Он был из рода потомственных врачей, Асклепиадов, а род этот начало вел от Асклепия, бога врачевания, сына Аполлона; Гиппократ был потомком бога в 18-м поколении. Если сделать расчет лет, то получится: бог жил незадолго до Троянской войны. И правда: в «Илиаде» написано, что сын бога Асклепия, Махаон, был, так сказать, главным врачом греческого войска под Троей. (Знаете большую яркую бабочку-махаона? Так вот, она названа в честь этого самого врача-полубога, а почему – я не знаю.)

Поэтому не будем смеяться заранее. Для грека хронология мифов была делом важным. Ею занимались большие ученые. Эратосфен, великий математик, впервые рассчитавший размер земного шара (как он это сделал, мы узнаем в последней части этой книги), столь же усердно рассчитывал и дату падения Трои. Кстати, она у него получилась другая, чем на Паросской таблице: 1183 год. Но это уже мелочи.

И еще два слова. Я сказал, что начало Паросской таблицы я переписал с небольшими сокращениями. Но я сделал в ней еще одно изменение – очень простое и очень бросающееся в глаза. Какое? Попробуйте догадаться. Кто не догадается, для тех я скажу об этом на 57-й странице.

ПЕРЕСЕЛЕНИЕ ДОРЯН

Если вы пересмотрите Паросскую хронологическую таблицу и попытаете угадать в ней то место, где кончается мифология и начинается история, то, скорее всего, это будет загадочная строчка: «Год 1128. Переселение дорян во главе с царями Гераклидами в Пелопоннес».

Загадочная – потому, что если кто из вас и помнит, кто такие Гераклиды, то вряд ли представляет, что это было за переселение.

А переселение было: это и вправду не только мифология, но и уже история. Греки – не исконные жители Греции, они – пришельцы. Они пришли сюда с севера, из-за Балкан; где и с кем они жили раньше – об этом ученые спорят до сих пор. Сами греки этого не помнили. Но они хорошо помнили другое – что переселялись они сюда двумя волнами. Первыми переселились ахейские племена; это об их царствах и княжествах сохранилась память в мифах. Вторыми переселились дорийские племена; и об этом переселении был сложен, можно сказать, последний греческий миф, а потом началась история. Миф был вот какой.

Самым славным греческим героем был Геракл. Он был потомком аргосских царей. Но сам он не был царем: всю жизнь он прожил бездомным тружеником на чужих службах. Умирая, он приказал сжечь себя на костре на вершине горы Эты. От этого костра у подножья Эты забили горячие источники: по этим источникам соседний горный проход стал называться «Горячие ворота» – Фермопилы.

Рядом с горой Этой лежит крошечная горная область – Дорида. Здесь нашли приют сыновья Геракла; старшим и главным из них был Гилл. Им было тесно в маленькой Дориде. Они собрали дружину из храбрых дорийских горцев и решили идти на Пелопоннес – добывать аргосское царство своих предков.

Перед походом, как водится, обратились к оракулу. (Оракул – это не человек, а святилище, где жрецы давали предсказания от имени бога; как это было устроено, мы расскажем дальше.) Получили ответ: «Ждите третьих плодов и ступайте через теснину». Гилл рассудил, что «третьи плоды» – это третий урожай, третье лето; он выждал два года, а на третий год повел своих дорян через «теснину» Коринфского перешейка. Навстречу им вышли местные ахейцы. Договорились решить спор единоборством вождей. Вожди сошлись – и Гилл пал. Дорянам пришлось ни с чем воротиться в Дориду.

Эти наречия (вместе с родственными им) и обозначены на этой карте

Вновь обратились к оракулу: «Почему ты нас обманул?» Оракул ответил: «Вы сами не захотели правильно понять вещание. Плоды – не земные, а людские; теснина – не суша, а море». Гераклиды поняли: победа достанется не им, а только третьему поколению после них, и идти к ней нужно не по узкому Коринфскому перешейку, а вплавь через узкий Коринфский залив.

Пока сменились три поколения, прошло сто лет. Гераклиды терпеливо ждали своего срока. Наконец за сыновьями и внуками выросли правнуки: три брата – Аристодем, Темен и Кресфонт. Собрали войско, построили корабли для переправы. Вновь спросили прорицания у оракула: «Что нам сделать, чтобы победить?» Ответ звучал таинственно: «Возьмите трехглазого проводника». Братья задумались. Вдруг на дороге показался всадник на коне, слепом на один глаз. Это был этолийский князь Оксил: он убил родственника, десять лет бедовал в изгнании и теперь возвращался на родину. Его стали уговаривать примкнуть к походу. Он легко согласился, но сразу выговорил себе награду: один из лучших кусков Пелопоннеса – Элиду.

С трехглазым проводником трое братьев переправились в Пелопоннес, одержали долгожданную победу над ахейцами и стали делить завоеванные места. Середина Пелопоннеса – это дикое лесистое нагорье, но по сторонам его лежат четыре плодородные долины: на востоке – Аргос, на западе – Элида, на юге – Лакония, и лучшая из всех – Мессения. Элиду отдали Оксиду, а о трех других областях три брата бросили жребий. В горшок с водой каждый опустил по камню; чей вынется первым, тот будет владеть Аргосом, чей вторым – Лаконией, чей третьим – Мессенией. Аристодем и Темен опустили свои жребии честно, а Кресфонт схитрил. Ему хотелось получить урожайную Мессению, и он бросил в воду вместо камня ком земли, который разошелся в воде. Аргос достался Темену, Лакония – Аристодему, Мессения досталась на долю лукавого Кресфонта.

Совершив дележ, братья на трех алтарях принесли жертвы Зевсу. А наутро на их алтарях оказалось по неожиданному животному: на аргосском – жаба, на лаконском – змея, на мессенском – лиса. Гадатели, посоветовавшись, объяснили: жаба – животное малоповоротливое, так что аргосским дорянам лучше не ходить на войну; змея – грозное, так что лаконским дорянам будет сопутствовать победа; а лиса – хитрое, в чем каждый мог и сможет убедиться. Братья переглянулись, поняли хитрость Кресфонта и затаили злую память на мессенских дорян.

ЦАРЬ КОДР

Когда доряне заняли Пелопоннес, то пелопонесские ахейцы или подчинились им, или ушли в глухие горные местности. А самые знатные и гордые роды стали покидать страну и переселяться на север: в Беотию, где жило третье большое греческое племя – эоляне, и в Аттику, где жило четвертое племя – ионяне.

Их принимали гостеприимно, особенно в Аттике. Здесь как раз в это время умер последний царь из рода славного Тесея, победителя Минотавра. Старейшины посоветовались и выбрали новым царем пришельца – ахейца из царского рода по имени Кодр.

Пелопоннесским дорянам было обидно видеть, что беглец из-под их власти стал царем на чужой стороне. Они пошли на Аттику войной и осадили Афины. Осада оказалась делом трудным, решили послать к оракулу и спросить: «Возьмем ли мы Афины?» Оракул ответил: «Возьмете, если не тронете царя». Доряне объявили по всему войску строгий приказ: никому не трогать царя Кодра ни под каким видом – и продолжали осаду.

В Афинах тоже узнали об ответе оракула. И царь Кодр решил спасти город ценой своей жизни.

Он оделся в рваное мужицкое платье, взвалил на плечи мешок, взял кривой серп для обрезания веток, вышел за ворота и стал собирать хворост. Его схватили и поволокли в дорий-

ский лагерь. Он стал отбиваться, взмахнул серпом и ранил какого-то воина. Это разъярило дорян, его убили, а труп бросили в поле.

Афинские старейшины выслали в дорийский стан посольство: «По священным обычаям предков, верните нам для погребения тело нашего царя!» – «Мы не трогали вашего царя!» – ответили им. «Вот он!» – показали афиняне на мертвое тело в лохмотьях и с вязанкой хвороста за плечами. Доряне вгляделись и поняли: предостережение оракула они не соблюли. Они отдали убитого Кодра, сняли осаду и ушли из Аттики ни с чем.

Кодра похоронили как героя у ворот спасенных им Афин. Над его могилой насыпали высокий курган и засеяли его пшеницею – в знак того, что он отдал жизнь за счастье и процветание приемного отечества.

А старейшины, поразмыслив, постановили: после Кодра никто в Афинах не достоин носить имя «царь» – отныне глава государства будет выборным и будет называться просто правителем, по-гречески – архонтом.

Первые архонты в Афинах выбирались пожизненно и только из числа потомков Кодра; потом только на десять лет; потом только на один год – и уже из любых знатных семейств. Первые архонты управляли единовластно; потом в помощь такому архонту стали выбираться еще трое, поделивших между собой три главные царские заботы, – архонт-жрец, архонт-воевода и архонт-судья; потом одного архонта-судьи стало мало, и начали выбирать целых шесть. Так составила коллегия девяти архонтов, управлявших Афинами в течение года; а отслужив свой срок, они становились членами совета старейшин, заседавшего на холме бога Ареса – Ареопаге.

Так в Афинах власть царя сменилась властью знати – монархия сменилась аристократией.

ГОМЕР РАССТАЕТСЯ СО СКАЗКОЙ

Семь спорят городов о дедушке Гомере —
В них милостыню он просил у каждой двери.

(Английская эпиграмма)

После переселения дорян в Греции сразу стало тесно. Нужно было искать новые земли. Люди стали собираться отрядами, садились на корабли и отправлялись за море основывать новые греческие поселения на иноземных, «варварских» берегах.

Первое направление этой колонизации напрашивалось само собой: через Эгейское море, на противоположный малоазиатский берег. Все четыре греческих племени зашевелились и тронулись с места. С острова на остров, как с камня на камень, они перешли Эгейское море. Эоляне заняли север малоазиатского побережья с островом Лесбос, доряне – юг с островом Родос, ионяне – середину с островами Хиос и Самос и с новооснованными городами Смирной, Эфесом, Милетом. Ахейцы же обратились в другую сторону и направили первые корабли в бурное западное море, к берегам Италии и Сицилии.

Новые места всколыхнули старые воспоминания. Поселенцы малоазиатских берегов вспоминали, как невдалеке от этих мест их давние предки бились под Троей; разведчики западных морей вспоминали, как в этих же краях скитался по дороге на родину Одиссей. И когда знатные люди новых городов сходились на пиры и развлекались песнями, они все чаще требовали, чтобы им пели про Троянскую войну и про странствия Одиссея.

Пели эти песни сказители – аэды. Они передавали их из рода в род, изменяли или дополняли древние песни, слагали по их образцу новые. Поколения аэдов выработали для песен мерный длинный стих – гекзаметр, поэтический язык, богатый старинными словами и оборо-

тами, набор готовых выражений для описания часто повторяющихся действий. Такие песни были очень похожи на наши былины. И длиной они были как былины: на час пения или около того, чтобы слушатели не заскучали. Если нужно, певец всегда мог и сжать, и растянуть свой рассказ – например, добавить подробностей, как герой, вооружаясь к бою, надевает сперва поножи, потом панцирь, потом шлем, берет меч, потом щит, потом копьё, и какой мастер изготовил этот щит, и от какого предка достался ему этот меч.

Таким аэдом, бродячим слепым сказителем, был и Гомер – тот, кто впервые создал вместо коротких песен две большие поэмы-эпопеи: «Илиаду» о Троянской войне и «Одиссею» о возвратных странствиях героя. О самом Гомере никто не помнил ничего достоверного – даже места его рождения:

Семь городов соревнуют за мудрого корень Гомера:
Смирна, Хиос, Колофон, Саламин, Пилос, Аргос, Афины.

Эти семь спорили всего упорней; но и другие города считали себя родиной Гомера – даже Вавилон и Рим. Соглашались лишь в том, что жил он бродячим бедняком, зарабатывая на жизнь пением песен. Например, таких:

Если вы денег дадите, спою, гончары, я вам песню:
«Внемли молитвам, Афина! десницею печь охраняя,
Дай, чтобы вышли на славу горшки, и бутылки, и миски,
Чтоб обожглись хорошенько и прибыли дали довольно,
Чтоб продавались бойко на рынке, на улицах бойко,
Чтобы от прибыли жирной за песню и нас наградили».

Если ж, бесстыжее племя, певца вы обманете дерзко,
Тотчас же всех созову я недругов печи гончарной:
«Эй, Разбивака, Трескун, Горшколом, Сыроглинник коварный,
Эй, Нетушим, на проделки во вред ремеслу тороватый,
Бей и жаровню и дом, вверх дном опрокидывай печку,
Все разноси; гончары же пусть криком избу оглашают...
Пусть они с жалобным стоном на лютое бедствие смотрят!»
Буду, смеясь, любоваться на жалкую долю злодеев.
Если спасать кто захочет, тому пусть голову пламя
Всю обожжет, и послужит другим его участь наукой.

«Илиада» и «Одиссея» – очень длинные поэмы, по триста с лишним страниц. Переход от сочинения небольших былин к сочинению длинных связных эпопей – дело сложное. Тут было два пути. Один более легкий: можно было нанизать эпизоды подряд, складывая конец одного с началом другого, от самого похищения Елены и до возвращения всех героев. Другой более трудный: можно было взять какой-нибудь один эпизод и, расширяя его подробностями, вместить в него все, что было поэтически интересного во всей Троянской войне.

Гомер пошел по трудному пути. Он выбрал для каждой поэмы только по одному эпизоду из десятилетней войны и десятилетних странствий. Для «Илиады» это гнев Ахилла на Агамемнона и его жестокие последствия: гибель Патрокла и месть Ахилла Гектору. Для «Одиссеи» это последние два перехода в плаванье героя: от острова Калипсо до острова феаков и от острова феаков до родной Итаки, а там – встреча с сыном, расправа с женихами Пенелопы и примирение. Все предшествующие эпизоды скитаний Одиссея вмещены в его рассказ о себе на пиру у феаков; все остальные эпизоды Троянской войны вмещены в попутные упоминания в речах действующих лиц. А за всем этим – то в ходе рассказа, то в пространным описании,

то в беглом сравнении – проходит целая энциклопедия картин народной жизни: труд пахаря и кузнеца, народное собрание и суд, дом и сражение, оружие и утварь, состязания атлетов и детские игры. Нынешнему читателю они могут показаться длиннотами, отвлекающими от действия, но современники Гомера ими наслаждались.

Это не случайно. Это значит, что современники Гомера почувствовали: между ними и мифическими временами легла непреходимая грань. По эту сторону – будни, труды, гнет, бедность, засилье гордой и жестокой знати; по ту сторону – подвиги, величие, богатство, блеск, каждый доблестен, могуч и благороден, и всякую подробность хочется бережно сохранить в памяти и подолгу ею любоваться. Поэтому поэмы Гомера так длинны, и поэтому они так подробны. В них Греция, вступая на порог истории, прощается с царством сказки.

ПРОЩАНИЕ ГЕКТОРА С АНДРОМАХОЙ

Вот один из самых знаменитых эпизодов «Илиады». Идет первый большой бой, описанный в поэме. Ахилл уже поссорился с Агамемноном и уже отстранился от битв, но греки еще сильны и теснят троянцев. Тогда троянский вождь Гектор покидает поле сражения и идет в Трою: пусть троянские женщины помолятся враждебной Афине – может быть, она смилостивится и пощадит троянцев. Отдав распоряжения, он хочет увидеть свою жену Андромаху и своего младенца-сына Астианакта («Градовластителя»): вдруг он погибнет в бою и больше их не увидит? И он встречает их у самых ворот, ведущих к полю боя. В общем ходе событий «Илиады» это пауза, передышка, обо всем этом можно было бы и совсем не рассказывать, но Гомер вмещает сюда и трагический контраст грозной военной и мирной семейной жизни, и – в словах Андромахи – эпизод из начальных лет Троянской войны, и – в предвиденье Гектора – грядущий исход войны, и долг тех, кто со щитом, и долю тех, кто за щитом.

Гектор, пройдя через город широкий, ворот достигает
Скейских – как раз через них и выход был на равнину, —
Вдруг домовитая тут ему повстречалась супруга,
Дочь Этиона великодушного, Андромаха.
Жил Этион-отец у подножья лесистого Плака
В Фивах нижнеплакийских и киликийцами правил;
Дочь же его за меднодоспешного Гектора вышла.

Там она встретилась с мужем; за нею почтенная няня,
Нежно прижавши к груди младенца, несла малютку,
Сына Гектора милого, – был, как звезда, он прекрасен,
Гектор Скамандрием звал его, прочие ж в городе люди
Астианактом за то, что оплотом для Трои был Гектор.
Как поглядел на ребенка, невольно отец улыбнулся.
Рядом жена Андромаха стояла и плакала горько.
За руку мужа взяла она и так говорила:

– Ты, удивительный, сам себя губишь своею отвагой.
Видно, не жалко ни сына тебе, ни меня, горемычной,
Что вдовою скоро останусь: ведь скоро ахейцы,
Ринувшись все на тебя, умертвят, – а мне так отрадней
Было бы в землю сойти, чем мужа лишиться. Какое
В жизни мне будет тепло, когда тебя гибель постигнет?
Скорби одни! Ведь нет у меня ни отца, ни родимой:
Ах, убил отца моего Ахилл боговидный,
Да и город родной киликийцев сровнял он с землею —

Фивы высоковоротные. Но Этионово тело,
Даже убитого, не обнажил, сохраняя почтенье.
Сжег его он по чину с доспехами бранными вместе
И могильник насыпал. Вокруг же вязы взрастили
Горные нимфы, Зевеса эгидоносного девы.
Гектор, ты мне отец, и мать для меня ты, Гектор,
Ты один мне брат, и ты мне супруг цветущий,
Сжался теперь надо мной, останься с нами на башне,
Войско ж поставь у дикой смоковницы: там всего меньше
Город наш защищен и доступней для приступа стены.

Ей отвечает сверкающий шлемом Гектор великий:

– Все, что ты здесь говоришь, и меня беспокоит, но стыдно
Мне пред троянцами и троянками в длинных одеждах,
Если буду, как трус дрянной, уклоняться от битвы.
Сам я знаю отлично, поверь и сердцем и духом:
Будет некогда день – и священная Троя погибнет,
С нею погибнет Приам и народ копьеносца Приама!
Но не о гибели стольких троянцев теперь сокрушаюсь,
Не о братьях отважных моих, которые скоро
В прах полягут, убиты рукою врагов разъяренных, —
Лишь о тебе я горюю! Ахеец в панцире медном
Всю в слезах тебя уведет далеко в неволю:
В Аргосе будешь ты ткать полотно чужеземной хозяйке,
Воду будешь носить с Мисейдских ключей и Гиперских,
Сердце скрепя, подчиняясь невольню безрадостной доле.
Кто-нибудь, видя, как слезы ты проливаешь, промолвит:
«Гектора это жена, был в сраженьях воителем первым
Он среди войска троянцев, когда Илион разрушали».
Скажет так кто-нибудь, и сильней защежит на сердце:
Нет человека, который тебя от неволи б избавил.
Пусть же я умру и сыпучим песком закрою
Раньше, чем плен твой увижу и жалобный плач твой услышу! —

Так говоря, наклонился к ребенку блистательный Гектор,
Но младенец на грудь своей няни в одежде прекрасной
С криком отпрянул назад, испугавшись отцовского вида:
Меди он забоялся, султана из конской гривы,
Видя, как она свесилась с самой верхушки каски.
Милый отец и добрая мать рассмеялись на это.
Гектор блистательный шлем с головы своей быстро снимает,
Ставит на землю проворно сияньем блестящую каску,
Сам же сына целует и, на руки взявши, высоко
Вверх поднимает, Зевсу молясь и прочим бессмертным:

– Зевс и вечные боги! взгляните на сына-младенца!
Вырастет пусть он, как я, выдающимся между троянцев.
Силы пошлите ему, добродетель, – да царствует мощно,
Чтобы могли сказать про него: «Отца превзошел он!» —
Глядя, как с битвы идет, возвращаясь с кровавой добычей,
Снятой с убитых врагов, материнское радуя сердце. —

Сына с рук на руки передает он милой супруге.

Крепче она прижала дитя к груди благовонной
И улыбнулась сквозь слезы. Взглянул супруг, умилился,
Ласково обнял ее и так говорит напоследок:
– Бедная ты! не кручинь обо мне свою душу сверх меры.
Если судьба мне живым быть, никто на тот свет не отправит,
А судьбы своей ни один не избегнет из смертных,
Ни дурной, ни хороший, с первой минуты рожденья.
Ты же домой отправляйся, займись своими делами,
Сядь за станок иль за прялку да наблюдай, чтоб без дела
Девушки не болтались. Война – занятие мужское:
Мне из мужчин илионских оно особенно близко. —
Так сказав, поднимает свой шлем блистательный Гектор
С конской гривой. Супруга ж домой пошла восвояси,
Но, не раз обернувшись, глазами его провожала...

СПАРТА, СЛАВНАЯ МУЖАМИ

Из трех государств, основанных дорьями в Пелопоннесе, самым сильным оказалось одно – лаконская Спарта. Его сила была в его организации. Это было государство, устроенное как военный лагерь.

В Спарте было три сословия – три класса: спартанцы, периэки, илоты. Спартанцы были потомками завоевателей-дорян, периэки и илоты – завоеванных ахейцев. Спартанцы правили и воевали, периэки ковали оружие и платили подать, илоты пахали и собирали жатву. Спартанцев было девять тысяч семейств: вся земля Лаконии была разделена для них на девять тысяч равных наделов – ведь на войне все равны. Илотов, государственных рабов, никто не считал, но их было вдесятеро больше. Спартанцев они ненавидели смертной ненавистью. Если бы спартанцы хоть на день забыли, что они на войне, Спарта была бы стерта с лица земли. Спартанцы этого не забывали. Они ели и спали с копьем в руке. Все статуи богов в Спарте были с копьями в руке – даже статуя Афродиты.

На войне люди живут только войною. Спартам было запрещено заниматься чем бы то ни было, кроме военного дела. Труд – дело периэков и илотов. Однажды Спарта созывала союзников для похода. Союзники роптали, что Спарта берет с них больше воинов, чем дает сама. «Это не так», – сказал спартанский царь. Он посадил спартанское войско справа от себя, союзные – слева, потом приказал: «Медники, встаньте!» Среди союзников некоторые встали, среди спартанцев – никто. «Горшечники, встаньте! Плотники, встаньте!» Под конец союзники стояли почти все, спартанцы сидели как сидели. «Вот видите, – сказал царь, – настоящих воинов выставляем мы одни».

На войне нет места богатству и наживе. Чтобы спартанцы не копили богатств, в Спарте деньгами служили железные прутья. Железные деньги громоздки: для небольшой покупки их надо везти целый воз. Железные деньги бесполезны: их нарочно закаливали в уксусе, чтобы железо стало хрупким и его нельзя было ни на что перековать. Спартанцы не копили денег.

Нет денег – нет роскоши. Крыша дома должна быть сделана только топором, дверь – только пилой. В богатом Коринфе спартанцы впервые увидели штучные потолки. Они спросили: «Неужели у вас растут квадратные деревья?»

Ничего лишнего в жилье – ничего лишнего в еде. Спартанцы обедали не дома, а в казармах: каждый отряд вместе. Главным кушаньем была черная кровяная похлебка из свинины с чечевицей, уксусом и солью. Она была невероятно питательна и невероятно противна на вкус. Спартанцы ею гордились. Персидский царь, когда был в Греции, заставил пленного спартанца

сварить ему такую похлебку, попробовал и сказал: «Теперь я понимаю, почему спартанцы так храбро идут на смерть: им милее гибель, чем такая еда».

На войне и говорить полагалось по-военному: точно и кратко. Это умение называлось и до сих пор называется «лаконизм» – по имени области Лаконии. Кто отвлекался, того обрывали, даже если он говорил умные вещи: «Ты говоришь дело, но не к делу».

Самым знаменитым было лаконическое изречение спартанки, провожавшей сына на войну. Она подала ему щит и сказала: «С ним или на нем!» Со щитом возвращались победители, на щите приносили павших.

Спартанец пришел послом к македонскому царю. «Ты – один?» – удивился царь, привыкший к пышным и многолюдным посольствам. «К одному», – ответил спартанец.

Македонский царь послал сказать спартанцам: «Если я вступлю в Пелопоннес, Спарта будет уничтожена». Спартанцы ответили одним словом: «Если!»

В Спарту пришли послы с острова Самоса – просить помощи. Они произнесли длинную и красивую речь. Спартанцы сказали: «Дослушав до конца, мы забыли начало, а забыв начало, не поняли конца». Самосцы оказались догадливы. На следующий день они пришли в собрание с пустым мешком и сказали только четыре слова: «Мешок есть, муки нет». Спартанцы их пожурили – достаточно было двух слов: «муки нет», – но были довольны такой сообразительностью и обещали помочь.

На войне спартанец был в своей стихии. Он шел на бой, как на пир, разодевшись, намазав маслом и расчесав длинные волосы. (Полководцы говорили: «Заботьтесь о прическе: она делает красивых грозными, а некрасивых страшными».) Одевались в красное – чтобы было страшнее и чтобы не видно было ран. Другие греки шли на бой под дикий рев труб, спартанцы – под мерный свист свирели: их боевой пыл приходилось не разжигать, а умерять.

Спартанцы первые научились биться строем, фалангой, а не каждый сам за себя: покинуть место в строю, чтобы броситься на врага или от врага, было одинаковым преступлением. Дисциплина была превыше всего. Спартанец Леоним в бою занес меч над врагом, но услышал отбой и отдернул меч: «Лучше оставить в живых врага, чем послушаться команды». Мальчик Исад убежал на войну и храбро бился – ему дали венок за храбрость и высекли розгами за нарушение дисциплины.

Греческие латники. Бронзовый панцирь скреплялся из двух половин, защищавших грудь и спину; снизу пристегивался кожаный или войлочный передник, часто с нашитыми металлическими полосами. На голове шлем с гребнем: у одного воина с забралом, у другого – с открытым лицом; на ногах у одного – поножи, подбитые кожей. Живот был прикрыт только щитом.

Спартанцу предложили в подарок боевых петухов: «Они дерутся до смерти». Спартанец ответил: «Подари мне тех, которые дерутся до победы».

Хромой спартанец шел на войну. «Зачем ты идешь?» – «Я иду не бежать, а биться».

Слепой спартанец шел на войну. «Зачем ты идешь?» – «Чтобы притупить собою меч врага».

Старый спартанец шел на войну. «Зачем ты идешь?» – «Заслонить молодых».

«Мой клинок короток», – сказал спартанец. «Подступи к врагу на шаг ближе», – ответил ему начальник.

Перед сражением спартанцы приносили жертву не богам войны, а мирным Музам. «Почему?» – спрашивали их. «Потому, что мы молимся не о победе, а о певцах, достойных этой победы». После сражения приносили в жертву богам петуха. «Почему?» – «Потому, что в Спарте не хватило бы быков для наших побед».

СПАРТАНСКОЕ ВОСПИТАНИЕ

Афинянин спросил спартанца: «Какое в Спарте наказание за супружескую измену?» – «Никакого», – ответил тот. Афинянин не отставал. Спартанец сказал: «Нужно принести в жертву такого быка, который, стоя на горе Тайгете, пьет воду из долины Еврота». – «Но разве бывают такие быки?» – «А разве бывают в Спарте супружеские измены?»

Женщины в воинском государстве были под стать мужьям: мужественные, сильные, закаленные. Они не жили затворницами, как в остальной Греции: с ними считались. «Только в Спарте мужья слушаются жен», – сказали спартанке. «Потому что только в Спарте жены рожают настоящих мужей», – ответила спартанка. Спартанка послала в бой пятерых сыновей и ждала вестей у ворот. Появился гонец. «Как дела?» – «Все пятеро убиты», – ответил гонец. «Я не о том спрашиваю: кто победил?» – «Мы». – «Тогда я счастлива, что они погибли», – сказала мать.

Новорожденного ребенка спартанец приносил в совет старейшин. Его осматривали. Если ребенок был хилым или больным, ребенка убивали: бросали в черную расщелину невдалеке от Спарты. В Спарте должны были расти только сильные и здоровые дети.

В семь лет ребенок покидал дом и поселялся со сверстниками в казармах. Здесь учились жить по-спартански. Ели впроголодь, ходили круглый год в одном плаще, спали на жестком тростнике, нарванном голыми руками. Раз в году всех наперечет секли розгами на алтаре Артемиды, где когда-то приносили человеческие жертвы. Надо было вынести порку без единого стога. Некоторые умирали под розгами.

Чтобы уметь добывать пропитание на войне, подростки учились воровать. Кто приходил ни с чем, того били, кто был пойман с поличным, того тоже били. Один мальчик украл лисенка. К нему подошли, он спрятал лисенка под плащ. Лисенок вгрызся ему в живот. Мальчик стоял твердо и говорил спокойным голосом. Его не заподозрили. Лисенок прогрыз ему внутренности. Мальчик умер. О его поступке рассказывали детям как о подвиге.

Учились прежде всего бою и борьбе. Борцов-учителей не было: спартанец должен побеждать не хитрыми приемами, а силой и храбростью. В олимпийских и других спортивных состязаниях спартанцам участвовать запрещалось: «Спарте нужны не атлеты, а воины».

Учились презирать и ненавидеть илотов. Чтобы молодежь не приучалась к вину, поили допьяна илота и водили мимо обеденных столов – один вид его вызывал отвращение. Чтобы молодежь приучалась к войне и в мирное время, устраивали тайные ночные походы на беззащитные селения илотов. Походы были настоящие, с кровопролитием: убивали тех, кого слишком ненавидели или боялись.

Учились почитать стариков. На Олимпийских играх один старик искал себе места среди зрителей. Он пробирался между скамьями, но места не было. Он дошел до скамей, где сидели спартанские юноши, – все как один вскочили перед ним, уступая место. Стадион разразился рукоплесканиями. Старик воскликнул: «Все греки знают, что такое хорошо, но только спартанцы умеют поступать хорошо». А кто-то сказал: «Только в Спарте стоит жить до старости».

Учились простоте и прямоте, учились не заниматься пустяками. Гость сказал спартанцу: «А я простою на одной ноге дольше тебя». Спартанец ответил: «А мой гусь – дольше тебя». Спартанцу предложили послушать певца, который поет, как соловей. «Я слышал самого соловья», – ответил спартанец.

Много лет спустя, когда Спарта уже слабела, македонский царь разбил спартанцев и потребовал от них заложников: пятьдесят мальчиков. Спартанцы ответили: «Возьми лучше взрослых: мы не хотим, чтобы мальчишки вернулись к нам не по-спартански обученными».

СПАРТАНСКИЕ ЗАКОНЫ

В Спарте было два царя. Это было удобно: во время войны они могли воевать на два фронта, во время мира они не давали друг другу слишком усилиться и притеснять народ или знать.

Два царя выбирались из двух родов, происходивших от двух близнецов – Прокла и Еврипонта. Это были сыновья Аристодема, того самого, который по жребию Гераклидов получил Лаконию. Умирая, он не назначил преемника. Спросили оракул – оракул сказал: «Власть – обоим, честь – старшему». Но который старший? Близнецы были еще грудными младенцами. Спросили мать – она отказалась назвать старшего. Тогда догадались подсмотреть, не кормит ли она одного сына всегда раньше другого. Так и оказалось. Поэтому с тех пор Еврипонт и его потомки при равных правах всегда почитались больше, чем Прокл и его потомки.

При двух царях собирался совет старейшин: 28 человек, с царями – 30. Выборы в совет старейшин были особенные: по крику. Народ сходил на собрание перед запертым домом, кандидатов в совет старейшин выводили к народу по одному, и народ приветствовал каждого криком. В запертом доме сидело несколько человек с писчими табличками: они не видели, кого выводят, а только слышали крик. На табличках они отмечали, которому кричали громче. Кому кричали громче всех, тот и провозглашался избранным.

При совете старейшин каждый год выбирались пять «блюстителей» – эфоров. Они следили, чтобы народ исполнял законы, а цари не превышали власти. Раз в восемь лет, в безлунную ночь, эфоры садились рядом и молча смотрели в небо. Если в это время вспыхнет и скатится звезда, то эфоры объявляли, что цари правят незаконно. После этого отправляли послов в Дельфы и успокаивались лишь тогда, когда оракул заступался за царей.

Вступая в должность, эфоры издавали указ: «Брить усы и повиноваться законам». Это делалось для того, чтобы спартанцы одинаково слушались властей и в малом деле, и в большом.

При старейшинах и эфорах собиралось народное собрание. Оно только подтверждало решения старейшин, крича «да» или «нет». Советы подавали редко. Однажды дурной человек подал в собрании хороший совет. Ему приказали сесть, а хорошему человеку – повторить его слова.

Спартанцы гордились своими законами. На вопрос, откуда они, спартанцы отвечали: «От Ликурга». На вопрос, кто такой Ликург, отвечали: «Больше бог, чем человек». В Спарте был храм Ликурга, в храме приносили жертвы.

Говорили, что Ликург был древним правителем Спарты. Он был братом спартанского царя, прапраправнука Прокла. Он мог бы и сам стать царем, но уступил престол племяннику, царскому сыну. Издать законы побудил его бог Аполлон. Образцом законов послужили критские законы, изданные, по преданию, самим Миносом, сыном Зевса.

В храме стояла статуя Ликурга. Он был изображен одноглазым, как изображают богов Солнца. Это объясняли так. Когда Ликург издал свой главный закон – о всеобщем воинском равенстве и простоте, – против него восстали богачи. Его избili палками, их вождь Алкандр выбил ему глаз. Народ выручил Ликурга и выдал ему Алкандра на расправу. Ликург взял его к себе в дом и велел себе прислуживать. Алкандр увидел, как умеренно и мудро живет Ликург, и из врага стал его самым страстным приверженцем. А в народное собрание с тех пор было запрещено ходить с палками.

Дав Спарте законы, Ликург позаботился, чтобы они были вечными и неизменными. Он объявил, что едет в Дельфы спросить еще раз волю Аполлона, и взял со спартанцев клятву не менять законов до своего возвращения. Спартанцы поклялись. Тогда Ликург уехал в Дельфы и там, на чужбине, бросился на меч. Даже тело свое он завещал сжечь, а пепел развеять над

морем, чтобы его останки не попали в Спарту. Спартанские законы остались неизменными навеки.

Спартанцы гордились, что их законы – самые лучшие и древние. Чужеземцев они презирали. Уезжать за границу спартанцу запрещалось, как запрещается воину покидать лагерь. Чужеземцев, приезжавших в Спарту, раз в несколько лет изгоняли поголовно особым указом – чтобы спартанцы не научились плохому, а иноземцы – хорошему. Один афинянин сказал спартанцу: «Вы, спартанцы, – неучи». – «Да, – ответил спартанец, – из всех греков мы одни не научились у вас ничему дурному».

Назойливый чужеземец докучал спартанцу: «Кто самый лучший человек в Спарте?» Спартанец ответил: «Тот, кто меньше всего похож на тебя».

Другой чужеземец похвастался спартанскому царю: «Меня все называют другом Спарты». Он ждал похвалы. Но царь ответил: «Лучше бы тебя называли другом твоей родины».

ПЕРВАЯ МЕССЕНСКАЯ ВОЙНА: АРИСТОДЕМ

Царя Феопомпа спросили, почему у города Спарты нет стен. Он ответил: «Стены Спарты – наши копья, границы – их острия».

А царь Агид говорил: «Спартанец спрашивает не сколько врагов, а где они».

Первые жертвы спартанских копий оказались рядом. Это были жители Мессении, где правили потомки лукавого Кресфонта и где были самые плодородные земли во всем Пелопоннесе. Мессения была завоевана в два приема, в двух долгих и тяжелых войнах. Вождями мессенцев в этих войнах были два героя с похожими именами: Аристодем и Аристомен.

Среди мессенской равнины возвышалась гора Ифома, посвященная Зевсу, высокая и неприступная. На ее вершине мессенцы устроили военный лагерь и переселились туда с женами и детьми. Спартанцы осадили Ифому. Мессенцы послали гонца в Дельфы, к оракулу Аполлона: как спастись? На обратном пути на гонца напали спартанцы, изранили, чуть не убили; но раздался неведомо чей голос: «Оставь несущего ответ божий!» – и они, расступясь, пропустили гонца к своим. Гонец передал слова оракула, упал и умер от ран.

Веление оракула было страшным. «По жребию или добровольно выберите деву из рода Кресфонта и принесите ее в жертву подземным богам». Бросили жребий между потомками Кресфонта, он пал на дочь вождя по имени Ликиск. Узнав об этом, Ликиск с дочерью бежал в Спарту. Мессенцы были в отчаянии. Тогда к алтарю шагнул другой полководец из рода Кресфонта, Аристодем, и добровольно предложил в жертву собственную дочь. Все были потрясены. Только один человек бросился вперед, чтобы спасти девушку, – это был ее жених. Он сказал: «Ты обручил ее со мной – теперь уже не тебе, а мне принадлежит ее жизнь!» Его отташили. Тогда он крикнул: «Ты не знаешь, Аристодем, что твоя дочь уже не дева: она моя жена, и она беременна!» В ярости Аристодем бросился на дочь, выхватил меч и убил ее у самого алтаря. Она не была беременна: юноша солгал, чтобы защитить невесту. Всё же жрецы сказали, что боги не принимают этой смерти: девушка пала жертвой ярости отца, а не жертвой подземным богам. Поднялись смятение и крик: одни рвались растерзать Аристодема как дочереубийцу, другие славили его как спасителя отечества. Вожди из потомства Кресфонта с трудом успокоили народ: все они боялись за собственных дочерей и поэтому убеждали, что с гибелью дочери Аристодема веление оракула уже исполнено. Народ нехотя поверил. Собрание было распущено. Никто так и не знал, смилостивились боги над Мессенией или разгневались еще больше.

Аристодем был выбран царем. Спартанцы не могли взять Ифомы. Они послали в Дельфы. Оракул сказал: «Кресфонт овладел Мессенией хитростью – стало быть, хитрость позволена и вам». Спартанцы не умели хитрить. Они не придумали ничего лучше, как подослать к мес-

сенцам сотню воинов под видом перебежчиков. Аристомем отослал их обратно. «Хитрость старая, хоть подлость и новая», – велел он передать спартамцам.

Наконец разнеслась весть, что оракул открыл тайну победы: победит тот, кто раньше поставит сто треножников вокруг жертвенника Зевсу на Ифоме. Обычно такие треножники делались из меди. На это нужно было много времени и металла. Мессенцы решили схитрить: они стали торопливо, всем народом сколачивать треножники из дерева. Тогда спартамцы тоже решили схитрить: один из них, человек незнатный и неприметный, сделал из глины сто игрушечных треножников величиною с кулак, положил в мешок, пробрался незаметно на Ифому и ночью расставил их вокруг жертвенника. Мессенцы поняли, что дело их проиграно. Царь Аристомем покончил самоубийством на могиле убитой им дочери. Кто мог, бежал в Аркадию или в Аргос. Остальные сдались. Спартамцы обратили покоренных мессенцев в илотов:

Словно навьюченный скот, несущий тяжелую ношу,
Гордым они господам шлют половину плодов.

ВТОРАЯ МЕССЕНСКАЯ ВОЙНА: АРИСТОМЕН

Сменилось два поколения, и мессенские илоты восстали против спартамцев. На этот раз они укрепились не на Ифоме, а на другой горе – Эйре. Их вождем был Аристомем, народный герой мессенцев, о котором еще много веков спустя слагались сказания. Ему предлагали стать царем, но он предпочел оставаться выборным полководцем.

Первый бой окончился ничем. Аристомему нужно было ободрить своих и утратить врагов. Он взял щит убитого спартамца и незамеченным прокрался в Спарту. В Спарте был храм Афины Меднодомной: и стены, и кровля, и статуя богини-воительницы в нем были из меди. Ночью Аристомем положил у ног Афины этот щит с надписью: «Богине – дар, отбитый у спартамцев». А наутро он был уже далеко.

Спартамцы были в ужасе. Послали в Дельфы. Оракул велел призвать советника из афинян. Преодолев гордость, спартамцы попросили ненавистных афинян о помощи. Афиняне ответили издевательством: они послали в Спарту советником хромого и убогого школьного учителя – Тиртея. Но случилось неожиданное. Тиртей оказался поэтом, и его воинственные стихи подняли боевой дух спартамцев лучше, чем советы любого полководца.

Славная доля – в передних рядах с супостатом сражаясь,
В подвигов бранных грозе смерть за отчизну принять!
Биться мы стойко должны за детей и за землю родную,
Грудью удары встречать, в сече души не щадя.
Духом великим и сильным могучую грудь укрепите:
Жизнелюбивой душе в жарком не место бою.

Спартамцы стали одерживать победы. Однажды они окружили мессенский отряд, подступивший к самой Спарте. В плен попали пятьдесят человек, среди них – израненный и обесиленный Аристомем. Их решили сбросить в ту самую горную пропасть, куда в Спарте сбрасывали слабых детей и осужденных преступников. Аристомем спасся чудом. Его сбросили последним, он упал на груды трупов своих товарищей и остался жив. Он лежал, закутанный в плащ, и ждал голодной смерти. Прошел день, прошла ночь, вдруг он услышал шум и увидел лисицу, которая глодала чье-то мертвое тело. До сих пор лисиц в ущелье не было – стало быть, эта пришла снаружи. Аристомем ухватился за ее хвост и пополз следом. Лисица скользнула в узкую щель, сквозь которую слабо виднелся дневной свет. Аристомем, ногтями разгребая

землю, расширил щель и протиснулся на волю. Через несколько дней он уже снова был во главе своего войска. Спартанцы были в панике: Аристомен воскрес из мертвых!

Эйра пала из-за предательства. Среди восставших был спартанский илот-перебежчик. Он перебежал к мессенцам из любви к одной мессенской женщине. Однажды ночью, когда муж этой женщины нес стражу над обрывом, илот был у нее в хижине. Ночь была непроглядно-ненастная, лил проливной дождь. Вдруг в дверь постучали. Илот спрятался. Вошел муж. «Мы разошлись с постов, – сказал он, стряхивая воду с плаща. – В такой ливень спартанцы все равно не пойдут на приступ. А Аристомен ничего не узнает: он ранен и этой ночью не будет обходить посты». Илот все слышал. Он выскользнул из хижины, бросился к обрыву, скатился вниз и бегом побегал через поле к спартанскому стану. Через час спартанские воины, скользя по глине, уже взбирались под ливнем по крутому склону Эйры. Стражи наверху не было, но были сторожевые собаки. Они взвыли. Мессенцы бросились из палаток, полуодетые, вооруженные чем попало. Бились во мраке, ливень гасил факелы. Потом рассвело, но дождь не переставал. В тучах грохотал гром – справа от спартанцев, слева от мессенцев; для спартанцев это было хорошим знаменем, для мессенцев – дурным. Спартанцы все время сменяли усталых бойцов свежими, мессенцы бились без отдыха. Бой длился три дня. Наконец Аристомен затрубил сбор. Женщин и детей поставили в середину, воины стали впереди и по сторонам и наклонили копья к земле. Это значило, что они не хотят больше драться и просят лишь прохода. Спартанцы умели ценить мужество и во врагах. Они расступились, и уцелевшие мессенцы строем покинули Эйру.

Война кончилась. Мессения снова была поработана. Те, кто покинул Эйру с Аристоменом, сели на корабли и выселились в Сицилию. Там они основали город, который и сейчас называется Мессиной. Сам Аристомен поехал на восток – поднять против Спарты азиатских царей. По пути он задержался на острове Родосе. Родосский царь искал себе жену, оракул сказал ему: «Женись на дочери лучшего из греков». Царь попросил в жены дочь Аристомена. Справили свадьбу; вскоре после этого Аристомен умер. Родосцы почитали его как героя-покровителя.

ПЕЛОПОННЕССКИЙ СОЮЗ

У Спарты были три соседние области: Мессения, Аркадия, Аргонида. Мессения была покорена. Спартанцы стали воевать с Аркадией.

Главный город лесистой Аркадии назывался Тегея. Спартанцы пошли войной на Тегею. Перед походом, как обычно, спросили совета в Дельфах. Оракул сказал:

Слышу, железные цепи звенят на лодыжках у пленных,
Вижу, спартанские люди поля тегейские мерят.

Решили, что предсказание доброе, и двинулись в поход, захватив даже цепи, чтобы заковычивать пленных. Но был бой, и спартанцы потерпели поражение. Оказалось, что мерить тегейские поля суждено было спартанцам не как победителям, а как пленникам с цепями на ногах. А цепи, предназначенные для тегейцев, тегейцы захватили с добычей и повесили в храме Афины; их показывали там еще много веков спустя.

Раздосадованные спартанцы спросили оракул, что же им сделать, чтобы победить. Оракул сказал: «Найдите кости Ореста, сына Агамемнона». Но где их искать? Оракул сказал:

Ветер на ветер летит, удар отвечает удару,
Злая беда лежит на беде: там – Орестовы кости.

Это звучало очень красиво, но непонятно. Вдруг один спартанец крикнул: «Я понял!» Он объяснил: «Однажды я был в Тегее, зашел в кузницу, разговорился с кузнецом, и кузнец мне сказал, что двор его заколдован, что там под землею лежит гроб, а в гробу – кости великана ростом в семь локтей: он нашел их, когда копал колодец, и сам измерил. Видимо, это и есть Орест, а описание места говорит о кузнице: „ветер на ветер“ – это кузнечные мехи, „удар на удар“ – это молот и наковальня, „беда на беде“ – это железо под молотом, потому что железо создано на горе роду человеческому». Спартанцы обрадовались. Человека, истолковавшего оракул, для виду обвинили в преступлении и изгнали. Он отправился в Тегею, поступил в подручные к кузнецу, а потом упросил его сдать ему внаем всю кузницу. Когда он этого добился, то выкопал кости и бежал с ними в Спарту. После этого спартанцы снова пошли на Тегею и на этот раз одержали победу.

Справившись с Аркадией, спартанцы двинулись на Арголиду. На границе их встретили аргосские войска. Начались переговоры. Постановили решить дело как бы дуэлью: каждое войско оставило на границе по триста человек и отступило. Оставленные начали битву. Бились день напролет; к ночи в живых осталось только трое: два аргосца и один спартанец по имени Офриад. Все были изранены, ни у кого не было сил сражаться дальше. Два аргосца, поддерживая друг друга, ушли к своим – возвестить о победе. Офриад остался. Опираясь на обломок копья, он прошел по полю, снимая доспехи с убитых врагов, потом развесил их на дереве среди поля и своею кровью написал на щите: «Спартанцы – Зевсу, в дар от своей победы». Такой столб с оружием назывался «трофей» – его ставили победители в знак, что поле боя осталось за ними. Наутро к полю подошли войска спартанцев и аргосцев: и те и другие считали себя победителями. Разгорелся спор, спор перешел в схватку, схватка – в сражение; победа осталась за спартанцами. Офриада прославляли как героя. Но Офриад был мрачен. Он считал позором оставаться в живых, когда все его товарищи погибли. Вскоре он покончил с собой. Спартанский царь Клеомен подступил к городу Аргосу. Мужчин, способных носить оружие, в Аргосе больше не было. Тогда на стены вышли женщины. Они были в доспехах, взятых из храмов, и во главе их была поэтесса Телесилла. Клеомен не захотел подвергать свое войско позору битвы с женщинами. Он отступил. Когда его в Спарте спросили, почему он не взял Аргос, он ответил: «Чтобы молодежи было с кем учиться воевать». А в Аргосе этот день стал женским праздником: женщины в этот день надевали мужское платье, а мужчины – женское. Поэтессе же Телесилле была поставлена статуя в аргосском храме Афродиты: у ног ее была книга, а в руках – шлем.

Аргос остался свободным, но все остальные города Арголиды подчинились спартанцам. Ни аргосцев, ни аркадцев Спарта не обратила в илотов: со столькими илотами она бы не справилась. Они считались союзниками Спарты – слушались ее распоряжений и помогали ей войсками. Так сложился Пелопоннесский союз – самое сильное государственное объединение Греции. Хозяином в нем была Спарта.

КТО ТАКИЕ ГЕРОИ

По-русски слово «герой» имеет одно главное значение: доблестный воин, совершающий такие подвиги, которые не всякому под силу. По-гречески главное значение – то же самое, но есть еще и второе: святой покровитель. У христиан – православных и католиков – святыми покровителями считаются Божьи угодники, которые вели праведную жизнь и чьи мощи творят чудеса. Им молятся и просят у них заступничества перед Богом и помощи в беде. Точно так же чтили греки своих древних героев – особенно тех, о которых рассказывалось в мифах. Могилы с их мощами обносили священными оградами, приносили им жертвы и молили у них помощи на войне, плодородия в мирной жизни и спасения от моровых болезней. Вот такого героя-покровителя и должны были приобрести себе спартанцы в лице Ореста.

Почитание богов есть у всех народов; почитание святых и героев – не у всех. Представление о том, что в старинные времена люди жили блаженно, а потом, за грехи свои, все хуже и хуже, есть почти у всех народов; было оно и у греков – когда-то был у людей золотой век, потом серебряный, медный, а теперь железный. Но греки почти насильно вставили в эту череду пятый век: перед нынешним железным был на земле век героев; это были смертные сыновья бессмертных богов, и они помогли богам спасти мир от гибели. Как это было – если вы не помните, то прочтете в конце этой книги, в послесловии о мифологии.

Впрочем, не все герои были древними и были потомками богов: иногда героями оказывались лица очень неожиданные. Был в одном городе кулачный боец Клеомед; он бился в Олимпии, победил, но нечаянно убил своего противника. За это судьи отказали ему в победе. От горя он сошел с ума: вернувшись в свой город, он бросился в училище, где упражнялись молодые люди, и стал трясти столбы, на которых держалась крыша. Крыша рухнула на упражнявшихся, народ кинулся на Клеомеда, Клеомед спрятался в сундук и держал изнутри крышку с такою силой, что никто не мог ее открыть. Когда сундук взломали, он оказался пуст. Спросили у оракула – оракул сказал: «Ваш Клеомед – последний из героев: чтите его жертвами, как святого хранителя». И его чтили жертвами семьсот лет.

ОЛИМПИЙСКИЕ ИГРЫ

Не надо путать Олимпию и Олимп. Олимп – это гора в Северной Греции, высокая, скалистая, со снежной вершиной, окутанной туманом; говорили, что там живут боги. А Олимпия – это городок в Южной Греции, в Пелопоннесе, в области Элиде: зеленая дубовая роща, посвященная Зевсу, при роще – храм Зевса, а при храме – место для знаменитых олимпийских состязаний.

Покорив Аркадию и Арголиду, Спарта могла без труда покорить и Элиду с Олимпией, но поступила умней. Она объявила Олимпию нейтральной землей и взяла на себя ее защиту. Раз в четыре года, в пору летнего солнцестояния, по всей Греции объявлялось священное перемирие: все войны прекращались, и в Олимпию по всем дорогам стекались толпы народа – участвовать в состязаниях или поглядеть на состязания. В остальное время греки чувствовали себя только гражданами своих маленьких городов-государств, вечно ссорившихся друг с другом. Здесь, в Олимпии, они чувствовали себя сыновьями единого народа. Таких общегреческих праздников, сопровождавшихся священным перемирием, было четыре: кроме Олимпийских, это были Пифийские в Дельфах, Истмийские в Коринфе и Немейские игры в тех местах, где Геракл когда-то убил каменного льва. Но Олимпийские считались самыми древними.

Состязания были посвящены Зевсу Олимпийскому: считалось, что богу приятно смотреть на людскую силу и ловкость. Но какие именно проявления силы и ловкости людям нужнее всего – это решалось самыми земными привычками. Что должен уметь пастух, чтобы убежать свое стадо от разброда, волков и разбойников? Нагнать хищников, перескочить через расселину, издали уметить в противника камнем или палкою, изблизи вступить с ним в драку и одолеть. Отсюда и программа ранних олимпийских состязаний: бег, прыжок в длину, метание диска и копья, борьба. Лишь потом к ним добавились скачки верхом и в колесницах, а бег и борьба разделились на несколько разновидностей.

Рекордные результаты не отмечались, смотрели только «кто раньше» или «кто дальше». Поэтому лишь в редких случаях мы можем сравнивать достижения греческих атлетов с нынешними. Бегун Тисандр пробежал за час около 19 км – это очень хороший показатель и для современного бегуна. Дискобол Флегий перебросил диск через олимпийскую речку Алфей – это около 50 м по нашему счету, достижение международного класса, а ведь греческие диски были обычно тяжелее наших. Камень с надписью «Бибон поднял меня над головою одной рукой» весит 143,5 кг – это очень большой вес для двух рук и почти невообразимый для одной. Атлет

Фаилл сделал прыжок в длину на 16 м – это почти вдвое дальше современных рекордов, и многие считают такой успех легендой; но здесь сравнивать трудно, потому что греки прыгали иначе, чем мы, – они почти не разбегались, зато они держали в руках гири-гантели, чтобы придать телу дополнительную инерцию, а в наши дни такая техника разработана мало.

Наградой в Олимпии был только оливковый венок, а в Дельфах – лавровый. Но эта награда означала, что носитель ее – любимец бога, даровавшего ему победу на своих играх. И его чтили и славил как любимца бога. В честь его устраивались праздники, воздвигались статуи, слагались песни. Особенно знамениты были те, кто подряд одерживал победы на всех четырех общегреческих играх – Немейских, Истмийских, Пифийских, Олимпийских. Знаменитый родосский борец Диагор сам был таким четверным победителем и двух сыновей своих видел такими четверными победителями; а когда подросли его внуки, тоже одержали победу в Олимпии и в ответ на приветствия народа подхватили на плечи своего доблестного деда и понесли по стадиону, то народ от восторга себя не помнил, а один спартанец крикнул: «Теперь умри, Диагор: на земле ничего славнее уже нет, а на небо тебе все равно не взойти!»

ОЛИМПИЙСКИЕ АТЛЕТЫ

Греки любили свои спортивные состязания без памяти. На Олимпийские игры народ сходил толпами. Справлялись они в самый разгар лета; давка и жара были такими, что один хозяин, говорят, грозил провинившемуся рабу: «Вот пошлю я тебя не жернова ворочать, а в Олимпию на игры смотреть!» Имена победителей в соревнованиях были у всех на устах. Об атлетах ходило множество рассказов – иногда восторженных, иногда насмешливых.

Самым знаменитым атлетом всех времен был Милон Кротонский, ученик философа Пифагора. Это он мальчиком стал тренировать силу, поднимая на плечи теленка и каждый день обнося его вокруг площадки для упражнений. Теленок рос, но росли и силы Милона; прошло года три, и он с такой же легкостью носил вокруг стадиона большого быка.

Когда Милон одержал победу, в честь его отлили бронзовую статую в полный рост; он вскинул ее на плечо и сам принес в храм. Забавлялся он тем, что брал в пальцы гранатовое яблоко и предлагал его вырвать у него; никто не мог, а между тем держал он его так легко, что гранат оставался нераздавленным. Забавлялся он и тем, что обвязывал себе голову веревкой, а потом вздувал жилы на висках и рвал веревку, не коснувшись ее руками. Забавлялся и тем, что протягивал руку дощечкой и предлагал отвести мизинец от других пальцев; никто не мог.

Он погиб, когда гулял в лесу и увидел дерево, расщепленное молнией; для потехи он решил разломать дерево надвое, но был уже стар, не рассчитал силы, руки его защемило в расщепе, и он не мог их вырвать; и когда пришел дикий лев и набросился на него, Милон оказался беззащитен.

Другой атлет, Полидамант, с голыми руками ходил на льва, подражая Гераклу; хватая быка за ногу, он отрывал ему копыто; останавливал на бегу колесницу, запряженную четверней; приглашенный к персидскому царю, убил там в единоборстве трех царских гвардейцев – из тех, которые у персов зовутся «бессмертными». Он погиб, когда сидел с товарищами в пещере и над ними вдруг треснул и стал обваливаться свод; товарищи бросились прочь, но Полидамант счел это позорным, остался, подпер обвал плечами и был засыпан.

Атлет Феаген одержал 1400 побед. Это значит, что у него было 1400 побежденных соперников, и все они ему завидовали. Когда Феаген умер, один из них приходил по ночам к статуе Феагена (всем олимпийским победителям ставили статуи) и хлестал ее бичом. Статуя упала и задавила хлеставшего. Статую обвинили в убийстве, судили и бросили в море. На следующий год настал неурожай, начались моровые болезни; граждане обратились к оракулу, и прорицательница-пифия велела им вернуть всех изгнанников. Граждане объявили всем изгнанникам дозволение вернуться, но мор не кончался. Опять пошли к оракулу, пифия сказала: «Забыли

Феагена». Статую вытащили сетями из моря, поставили на место, устроили в честь ее празднество, и все кончилось благополучно.

Атлет Главк был крестьянский сын. Отец, увидав, как он голыми руками вбивает в соху сошник, привел его в Олимпию. Начался кулачный бой. Главка стали бить, а он стоял и терпел, опасаясь не в меру зашибить противника. Отец из публики крикнул ему: «Бей как по плугу!» Главк развернулся и ударил, и победа осталась за ним.

У атлета Демократа заболели ноги, а отказаться от состязаний он не хотел. Он пришел в Олимпию, встал среди поля и предложил столкнуть или стащить его с места. Никто не смог. Демократу присудили победу.

На скачках кобыла наездника Фидола сбросила седока, но продолжила скачку и пришла первой. Фидол был объявлен победителем – за то, что у него такая хорошая лошадь.

Атлет Аполлоний опоздал в Олимпию, потому что выступал за деньги за морем, но признаться в этом он постеснялся и сказал, что его задержали встречные ветры. Он вступил в состязания, вышел победителем, получил венок, но тут обман его раскрылся; венок с него сняли и возложили на его соперника. Аполлоний тут же набросился на соперника с кулаками, тот бросился бежать с венком на голове; кому присудить победу, так и осталось нерешенным.

Обман в Олимпии наказывался сурово: возле стадиона стояли в ряд статуи Зевса, сооруженные только на штрафы, собранные с нарушителей. Один атлет хотел воспользоваться тем, что его соперник Эгмий был отроду немой, и подкупил судью, чтобы тот подсудил в его пользу, думая, что Эгмий не сможет пожаловаться. Но Эгмий, увидев это, пришел в такое негодование, что вскрикнул и впервые в жизни заговорил.

А вообще олимпийские судьи судили честно. Перед состязанием они должны были проверять лошадей, допускаемых к скачкам, и давали при этом две клятвы: во-первых, судить по совести и, во-вторых, никому не объяснять, почему они судили так, а не иначе. Греки понимали, что бывают и такие случаи, когда правильное решение чувствуешь, а объяснить не можешь.

ЛЕТОСЧИСЛЕНИЕ

В реке под Москвой поймали щуку, на хвосте у щуки было серебряное кольцо, на кольце надпись: «Сие кольцо надето за семь лет до нашествия Наполеона на Москву». Умные люди посмотрели, улыбнулись, сказали: «Подделка». Почему? Потому что кто же мог знать заранее, что Наполеон через семь лет пойдет на Москву?

Вы догадались, к чему этот пример? На 33-й странице я спросил вас, что я изменил в Паросской хронологической таблице, переписывая ее в этой книге. Конечно, это были обозначения дат. Ни в одной настоящей древней надписи не могло быть дат вроде «Год 1582 до нашей эры». «До нашей эры» – это ведь значит «до Рождества Христова»; а кто же мог знать, что через столько-то лет родится Христос? Или чтобы сказать еще точнее: кто же мог знать, что через много-много лет будет принята именно такая-то условная дата рождения Христа? Потому что дата рождения Христа – в высшей степени спорная и условная: даже христиане в Западной Европе стали ею пользоваться только с VI века н. э., а в Византии (и затем на Руси) избегали ею пользоваться и того дольше, предпочитая отсчитывать годы прямо от сотворения мира – почему-то считалось, что эта дата известна более точно.

Что же было вместо этого написано на паросском камне? Нечто неожиданное и неудобное: «1318 лет назад – царь Кекроп... 1265 лет назад – всемирный потоп...» Иными словами, все даты отсчитывались назад от года, когда была высечена эта самая надпись. (Сосчитайте сами, когда это было.) Легко понять, что уже через несколько лет эти даты мало что говорили паросскому прохожему.

Какая же нумерация годов («летосчисление» в буквальном смысле слова) была у греков? А никакой.

Каждый год в каждом городе имел свое название по главному должностному лицу этого года – в Афинах по первому архонту, в Спарте по первому эфору и т. д. Знаменитый договор 421 года до н. э. между Афинами и Спартой – Никиев мир – был датирован так: «При спартанском эфоре Плистоле, за 4 дня до окончания месяца артемисия, и при афинском архонте Алкее, за 6 дней до окончания месяца элафеболиона». (Месяцы ведь тоже в каждом государстве были свои собственные!) И когда на смену грекам придут римляне, у них мы увидим все то же: годы не нумеруются, а обозначаются именами должностных лиц: «в консульство такого-то». Настоящие хронологические таблицы, которые были у греков и римлян, имели вид длинных списков имен – как телефонные книги. «В архонтство Каллиада... в архонтство Евфина... в архонтство Херонда...» Вот я назвал три даты и уверен: угадать, какая из них раньше, какая позже, смогут во всем мире лишь человек десять специалистов. А ведь это даты больших событий: Саламинская победа, начало Пелопоннесской войны, Херонейское поражение.

Что это – мелочь, случайно недодуманная великим народом? Нет. В этой мелочи видна огромная разница между античной и современной культурой. Мы представляем себе время движущимся вперед – как стрела, летящая из прошлого в будущее. Греки представляли себе время движущимся на одном месте – как звездный небосвод, который вращается над миром одинаково и неизменно как за тысячу лет до нас, так и через тысячу лет после нас. Для нас прогресс – что-то само собою разумеющееся: 1097, 1316, 1548 годы – даже если мы не помним ни одного события, происходившего в эти годы, мы не сомневаемся, что в 1548 году люди жили хоть немного лучше и были хоть немного умнее, а может быть, и добрее, чем в 1097 году. А для грека прогресс если и существовал, то когда-то в незапамятном начале, при титане Прометее, а после этого жизнь казалась вечной, устойчивой и неизменной и все годы похожими один на другой: «в архонтство Каллиада... в архонтство Каллистрата... в архонтство Каллия...»

Я не случайно заговорил об этом именно здесь. Вам, наверное, не раз приходилось читать: «Греки так чтит Олимпийские игры, что вели свое летосчисление по олимпиадам». Так вот, это неверно. Счет времени по олимпиадам («В 3-й год 72-й олимпиады греки победили персов при Марафоне...») вели некоторые греческие историки, чтобы уследить за длинным рядом событий. Но это была их кабинетная выдумка, и не более того. Ни в одном документе, ни в одной надписи таких дат не было. Греки не вели летосчисления по олимпиадам, они не вели вообще никакого летосчисления. Годы в их сознании были не нанизаны на тянущуюся нить, а как бы рассыпаны пестрой неподвижной россыпью.

КСТАТИ, О ГОДОВЩИНАХ

Битва при Саламине, которая спасла Европу от Азии, произошла в 480 году до н. э. Когда исполнилась ее 2400-летняя годовщина? Вы скажете: «В 1920 году». И ошибетесь: не в 1920-м, а в 1921-м. Вы удивитесь: почему? Потому что нулевого года не было. В самом деле: когда исполнилась ее 479-я годовщина? В 1 году до н. э. А 480-я? В 1 году н. э. А 500-я? В 21 году н. э. И так далее.

Не смущайтесь: когда речь идет о пересчете через рубеж нашей эры, то эту ошибку хочется сделать каждому. Современные греки чувствуют себя потомками древних греков и чтят их даты. Но когда они всенародно, по государственному указу отмечали юбилей победы над персами, то это было все-таки в ошибочном 1920 году. И когда, совсем недавно, по всей Земле праздновали начало нового тысячелетия, то на всякий случай это делали и в 2000, и в 2001 году.

ДЕЛЬФЫ

Вы уже заметили: если в нашем рассказе до сих пор и был наиболее часто упоминаемый герой, то это был дельфийский оракул – без его пророчеств не обходилось, кажется, ни одно событие. Пора теперь познакомиться с ним поближе.

В Средней Греции много гор. На горах – пастбища. На одном пастбище паслись козы. Одна коза отбилась от стада, забралась на утес и вдруг стала там скакать и биться на одном месте. Пастух полез, чтобы снять ее, и вдруг остальные пастухи увидели: он тоже стал прыгать, бесноваться и кричать несвязные слова. Когда его сняли, то оказалось: в земле в этом месте была расселина, из расселины шли дурманящие пары, и человек, подышав ими, делался как безумный.

Испуганные пастухи пошли к жрецам. Жрецы, посоветовавшись, сказали: «Это – то самое место, где некогда бог Аполлон убил дракона Пифона, сына Земли. Нужно в этом месте выстроить храм, над расселиной посадить прорицательницу, и она, надышавшись опьяняющим паром, будет предсказывать будущее».

Так был построен храм Аполлона в Дельфах. Считалось, что это самый первый греческий храм – первый дом, построенный для бога, сошедшего с небес к людям. Священные пчелы Аполлона принесли неведомо откуда восковую модель чертога, обнесенного колоннами; по ней выстроили деревянный храм, потом на его месте – медный, потом на его месте – каменный. Все остальные греческие храмы были копией с этого. Здесь жил Аполлон девять месяцев в году, а остальные три месяца жил Дионис.

В середине храма овальной глыбой лежал большой белый камень – «пуп земли». Греки представляли себе землю плоским кругом, а самой серединой этого круга – Дельфы. Говорили, что Зевс, желая найти середину земли, выпустил с запада и с востока двух голубок навстречу друг другу, и они встретились как раз над этим камнем.

Раз в месяц на треножник в глубине храма садилась прорицательница – пифия. Ей задавали вопросы, она отвечала на них несвязными криками, а жрецы перекладывали ее слова благозвучными стихами и передавали спрашивающим. Со всей Греции стекались в Дельфы просители; храм процветал и богател с каждым годом.

Предсказание будущего – дело рискованное. Это, по-видимому, понимали не только жрецы, но и спрашивающие. Поэтому вопросы в прямой форме: «Удастся ли мне сделать то-то и то-то?» – задавались редко. Чаще спрашивали: «Что сделать, чтобы мне удалось то-то и то-то?» Оракул отвечал: «Принеси жертвы таким-то богам» или «Заручись поддержкой надежных людей», и спрашивающие оставались довольны. Если дело все же не удавалось, это значило, что или боги остались недовольны жертвами, или люди оказались недостаточно надежными, а оракул ни при чем.

Бывали, однако, и случаи более затруднительные. С некоторыми из них мы уже встретились. А самым знаменитым был случай с царем Крезом.

Поперек Малой Азии текла река Галис; на запад от нее, ближе к Греции, лежала Лидия, на восток – Мидия. Царем Лидии был Крез, самый богатый правитель на свете. Он задумал воевать с Персией, но хотел сперва спросить совета у оракула. Но у какого? Как узнать, правду ли скажет оракул или солжет? И Крез решил испытать все знаменитейшие оракулы мира. Он послал людей и в Дельфы, и в Додону, и в Абы, и в Милет к Бранхидам, и в Египет к Аммону, и в пещеру Трофония, из которой кто возвращается, тот больше никогда не смеется. Всем посланцам было велено одно и то же: отсчитать сотый день от своего отправления и в этот день спросить у оракула: что делает сейчас Крез, царь Лидии?

Что ответили на этот вопрос другие оракулы, история умалчивает. А дельфийский оракул ответил вот что:

В море я капли сочту и на бреге исчислю песчинки,
Знаю, что мыслит немой, и слышу, что молвит безгласный;
Чую вкус черепахи, что варится вместе с ягненком, —
Медь вверху, и медь внизу, а они посередине.

Посланцы ничего не поняли, но аккуратно записали предсказание и доставили Крезу. Крез возликовал. Из всех ответов этот один оказался правилен и точен, ибо в назначенный день Крез, чтобы испытать всеведение оракулов, занимался тем, что варил в медном котле мясо черепахи вместе с мясом ягненка, будучи уверен, что чего-чего, а этого придумать и угадать никто не сможет.

Крез послал в Дельфы несметные подарки и задал теперь оракулу свой главный вопрос: переходить ли ему через Галис, чтобы воевать с Персией? Оракул ответил:

Крез, перейдя через Галис, разрушит великое царство.

Крез понял эти слова так же, как и вы их поняли, и бодро пошел на Персию войной. О войне этой мы расскажем в другой раз, потому что с нее начались великие греко-персидские войны. Кончилась она, как вы узнаете, полным поражением Креза. Царь едва не погиб, а когда он все же уцелел, то первое, что он сделал, — это послал в Дельфы и спросил: почему бог Аполлон так жестоко его обманул?

Ответ был неожиданным. «Знай, Крез, — писали жрецы, — что Аполлон не обманул тебя ни единым словом. Перейдя через Галис, ты разрушил великое царство — только не персидское, а свое собственное. Аполлон тебя любит за богатые дары, но помочь ничем не может: ты расплачиваешься за грехи предков. Все, что мог сделать Аполлон, — это отсрочить твоё падение на три года. Знай же, что ты и так правил на три года дольше, чем велено судьбой, и цени это».

Вот как оракул Аполлона и в этом опасном испытании остался кругом прав.

Дельфы были священным городом под покровительством Аполлона: без стен, без войска. Все окрестные государства заключили друг с другом договор: защищать Дельфы от любого нападения общими силами, а между собой жить по возможности в мире. Раз в четыре года в Дельфах, как в Олимпии, объявлялся «божий мир» для всей Греции и устраивались общегреческие состязания — Пифийские игры. Они были такие же, как Олимпийские, но в них были еще и музыкальные состязания — на лире и на флейте. Аполлон недаром был богом света, знания и искусства.

МОЛИТВЫ, ЖЕРТВЫ, ГАДАНИЯ

«На бога надейся, а сам не плошай» — говорит старинная пословица. Греки очень хорошо умели не плошать, но для верности они хотели еще и надеяться на бога. Поэтому-то почти на каждой странице этой книги о чем-нибудь молят богов и ради чего-нибудь приносят им жертвы. Как это выглядело?

Молитва — это разговор с богом. Человек становился лицом к тому богу, которому молился, протягивал к нему руки и вслух произносил сперва обращение к богу, потом похвалу ему, потом свою просьбу, потом обещание благодарности за исполнение этой просьбы. Если он молился в храме, то протягивал руки к статуе бога; если небесным богам — то к небу; если речным или морским — опускал их в воду; если подземным — ударял ими по земле или топал ногою. Современный верующий на молитве стоит спокойно (иногда на коленях), сложив руки перед грудью, и молится про себя, уверенный, что его бог услышит и такую молитву. Но грек разговаривал с богом, как с человеком, и на колени не вставал никогда.

Жертва – это угощение богу. Если бог помогает человеку во всех делах, то от всякой удачи нужно с ним делиться. Когда собирали урожай, то первые колосья и первые плоды приносили богу. Когда пили, то перед каждым пиром несколько раз плескали вином наземь. Когда ели, то откладывали для бога специально выпеченное печенье или медовую лепешку. А когда ели мясное – в бедном греческом быту это было нечастым праздником, – то делиться с богом было обязательно. Тогда и устраивались те жертвоприношения быков, овец, коз и свиней, о которых чаще всего упоминается в книгах.

Перед храмами, а часто и отдельно, на площади или перекрестке, стояли алтари. Алтарь – это божий стол: прямоугольная глыба, земляная или, чаще, каменная, иногда маленькая, иногда очень большая. На нем разводился священный огонь. Головню из огня опускали в сосуд с водой – в этой воде присутствующие омывали руки, чтобы очиститься перед жертвоприношением. К алтарю подводили жертвенное животное, обрызгивали его водой, осыпали жареным ячменем и солью, а потом оглушали ударом дубины и быстро закалывали. Затем начиналось угощение богов. С туши сдирали кожу, вырубали спинную часть, обкладывали жиром и внутренностями и сжигали на алтаре. Жирный дым всходил к небу: небесные боги могли лакомиться жертвою. Для подземных богов жертву зарывали в землю. Несколько кусков мяса уделялось жрецам и храмовым служителям. Остальное съедалось на пиру. Люди ели мясо и чувствовали себя сотрапезниками богов.

Иногда жертва была особенной – очистительной. Если человек совершил нечаянное убийство, он должен был покинуть родину и искать очищения на чужбине. Его не спрашивали, в чем дело: жрец зажигал огонь на алтаре, закалывал молочного поросенка, обрызгивал его кровью руки пришедшего, а потом омывал их священной водой и вытирал. Это означало, что кровь смыта кровью и человек может возвращаться к сородичам. А очистительного поросенка не сжигали, чтобы не осквернять огня: его закапывали в глухом месте и возвращались оттуда, не оглядываясь.

Иногда жертва предназначалась для гадания. Такие жертвы приносились перед сражениями. Зарезав животное, смотрели, как горит на алтаре его мясо, особенно хвост: если хвост скручивался, это предвещало трудности, если конец его опускался вниз – неудачу, если поднимался вверх – удачу. Выпотрошив животное, смотрели на его внутренности, особенно на печень: если вид их казался необычным, это значило, что животное нездорово и, стало быть, неудобно богам – боги не насытились и требуют новой жертвы. Чтобы добиться добрых знамений, приходилось иной раз закалывать не один десяток баранов или овец. При каждом войске гнали на всякий случай целое небольшое жертвенное стадо.

Были и другие способы гадания. Гадали по полету птиц, по крику птиц, по грому и молнии, по кометам и затмениям, по плеску воды и дыму ладана. В Додонском лесу гадали по шелесту листьев священного Зевсова дуба. А в ахейском городе Фарах гадали так: на рыночной площади стояла статуя Гермеса, перед ней – курильница, рядом с ней – урна-копилка. Гадающий подходил к статуе, воскурял ладан, опускал монету в урну, говорил на ухо статуе свой вопрос, поворачивался, затыкал уши и шел прочь. Дойдя до конца рынка, он открывал уши и первое слово, которое слышал, считал божьим знамением.

В особенном почете были гадания по вещим снам. В Эпидавре был храм бога-целителя Асклепия; больные приходили сюда, приносили жертвы и оставались ночевать; утром жрецы выслушивали, что им снилось, и назначали лечение. А однажды было даже так. Бог Асклепий явился во сне бедной женщине Аните и сказал: «Ступай к слепому Фалисию и передай ему это письмо!» Она проснулась – рядом лежали восковые таблички. Она пошла искать слепого Фалисия, нашла его, рассказала ему свой сон и подала таблички. С одного взгляда на них он прозрел и прочел письмо. В нем было написано: «Дать Аните две тысячи золотых монет». Так бог Асклепий одним сном сделал два добрых дела.

БОГИ СВОИ И БОГИ ЧУЖИЕ

Когда греков спрашивали: «Кто ваш бог?» – они отвечали: «Богов у нас много». Когда спрашивали: «А кто главный?» – они отвечали: «Двенадцать олимпийцев:

Гестия, Гера, Гермес, Деметра, Арес, Артемида,
Зевс, Афродита, Гефест, Аполлон, Посейдон и Афина».

Список этот был нетвердый: то и дело в него включался, например, Дионис вместо Ареса или Гефеста. И список этот был неполный: в нем не были названы бесчисленные божества природы, часто гораздо более близкие человеку. В каждой речке жила своя наяда, в каждом дереве – дриада, в каждой скале – орада. И много веков спустя, когда императоры и церковь приказали людям быть христианами, крестьяне со вздохом отрекались от Зевса и Аполлона, но долго еще тайком ходили в рощи молиться деревьям и ручьям.

У богов были разные имена и прозвища. Аполлон был также и Феб-Сияющий, и Локсий-Вещающий, и Пеан-Врачующий, и Гекаэрг-Далекоразящий, и Пифий-Драконоубийца, и Мусaget – Вождь Муз, и Делий – Рожденный на Делосе, и Ликей – то ли «Светлый», то ли «Волчий», и, может быть, даже Гелиос-Солнце. Дионис – это и Вакх, и Иакх, и Лизй, и Бассарей, и Бромий, и Эвий. Артемида была и Селеной, богиней луны, и Илифией, помощницей рожаящих женщин, и Гекатой, покровительницей колдуний; впрочем, иногда Геката отождествлялась с Деметрой, а иногда почиталась отдельно. Мы видим: прозвище бога могло превратиться в имя самостоятельного бога, и наоборот, самостоятельный бог мог слиться с другим и его имя превратиться в прозвище.

Даже один и тот же бог в разных местах изображался и почитался настолько по-разному, что можно было задуматься: да точно ли он один и тот же? На острове Крите чтили пещеру, где вырос Зевс-младенец, и чтили могилу, где погребен Зевс-покойник. Когда критянам говорили: «Но ведь Зевс бессмертен!» – они отвечали: «Не умирает только тот, кто не рождался». В Аркадии в одном храме чтили сразу трех Гер: Геру-девицу, Геру-царицу и Геру-вдовицу. Когда аркадянам говорили: «Не может быть Гера сразу и девицей, и вдовицей», они отвечали: «Не знаем, но так чтили ее наши предки». В Спарте стояли статуи Ареса в оковах и Афродиты в оковах; спартанцы объясняли: «Это чтобы бог войны не покидал нашего государства, а богиня любви – наших семейств», – но, кажется, сами не очень доверяли своим объяснениям.

Кроме богов почитали и обожествленных героев. Тут тем более один город другому не указчик. Аяксу Саламинскому приносили жертвы на Саламине, Елене и Менелаю – в Спарте, Гераклу – повсюду, но по-разному. Например, в городе Эрифрах Геракла почитали только женщины-рабыни, потому что когда-то кумир Геракла приплыл сюда по морю на плоту, подтянуть плот к берегу (сказали гадатели) можно было только канатом из женских волос, свободные женщины пожалели обрезать свои волосы, а рабыни обрезают. А были герои и еще более неожиданные. Так, в городе Аканфе почитали умершего здесь перса Артахея, начальника строительства Ксерксова канала, за то, что он был ростом в пять локтей без четырех пальцев (это значит: 2 м 23 см) и имел голос громче всех на свете. Все это причудливое разнообразие имело очень важные последствия. Оно учило греков терпимости. Никто, даже афиняне, не мог сказать: «Только мы чтим Афину правильно, а все остальные – неправильно; только наша Афина настоящая, а все остальные – ненастоящие». Все были настоящие, потому что все почитались по заветам предков: значит, сама богиня хотела, чтобы ее почитали по-разному и чтобы не знали, какова она на самом деле. «Каковы боги на самом деле?» – спросил мудрого поэта Симонида царь Гиерон Сиракузский. Симонид попросил день на размышление, потом еще два, потом

еще четыре и так далее; Гиерон удивился, а Симонид сказал: «Чем больше я думаю, тем труднее мне ответить».

По этой же причине греки не удивлялись и не возмущались, что у других народов есть свои собственные боги. Они просто говорили: «В Египте чтят Диониса под именем Осириса, в Финикии – Геракла под именем Мелькарта, в Сирии – Афродиту под именем Астарты, в Риме – Зевса под именем Юпитера, у германцев – Гермеса под именем Вотана» и т. д. А если рассказы об этих богах не всегда похожи на греческие, то ведь и греческие рассказы о них не везде одинаковы.

Если бы Греция была единым государством, то, вероятно, жрецы различных храмов организовались бы в единую церковь и стали следить не только за тем, правильно ли люди поклоняются богам, но и за тем, правильно ли люди думают о богах. К счастью, этого не случилось. Жрецы в Греции не были самостоятельным сословием, как, например, в Египте. Это были государственные должностные лица, избравшиеся всенародным голосованием и следившие, чтобы государство не обидело своих богов и не лишилось их покровительства. Для этого нужно было соблюдать обряды: каждый гражданин обязан был участвовать в шествиях, молебствиях, жертвоприношениях, какими бы странными они ему ни казались. А верил он или не верил в то, что об этих богах рассказывалось, и если не верил, то во что он верил вместо этого, – в это жрецы не вмешивались. Потому что они помнили: каковы боги на самом деле – не знает никто.

А когда о вере спрашивали ученых людей, то они отвечали: «Есть вера гражданина, вера философа и вера поэта. Гражданин говорит: „Зевс – это покровитель нашего города, которого мы должны чтить так-то и так-то“. Философ говорит: „Зевс – это мировой закон, вида и облика не имеющий“. Поэт говорит: „Зевс – это небесный царь, то и дело сбегаящий от своей небесной царицы к земным женщинам, то в виде быка, то в виде лебедя, то еще в каком-нибудь“. И все правы. Только не нужно эти три вещи смешивать».

СКАЗКА НА КАЖДОМ ШАГУ

Кто помнит миф об Одиссее, тот не забыл трогательного эпизода: Одиссей в образе нищего, неузнанный приходит в свой дом, ему оmyвает ноги старая ключница и вдруг вскрикивает, нащупав шрам на ноге: она узнала его, это шрам Одиссея – ему в молодости нанес эту рану кабан на охоте.

Так вот, греки тоже не забыли этого кабана: недалеко от Дельфов показывали место, где когда-то родился тот кабан, который потом когда-то нанес Одиссею ту рану, по шраму от которой потом когда-то Одиссей был узнан.

А по дороге в Дельфы, в местечке Панопее, показывали остатки той глины, из которой Прометей лепил когда-то первых людей. Это были две глыбы, каждая величиною с воз, а пахли они как человеческое тело.

В Элиде было гнилое заразное болото. Говорили, что оно образовалось на том месте, где кентавры, раненные Гераклом, пытались промыть раны от его отравленных стрел.

На Делосе во время празднеств Аполлона юноши пляшут «журавлиную пляску» вокруг алтаря, целиком сложенного из левых рогов жертвенных животных. Они движутся вереницей, делающей причудливые изгибы. Эту пляску учредил Тесей, возвращаясь с Крита, и ее повороты – это изгибы Лабиринта, по которому он шел со спутниками навстречу Минотавру.

Корабль, на котором Тесей плывал на Крит, хранился на афинском Акрополе. Когда какая-нибудь доска сгнивала, ее заменяли новой: под конец в корабле не осталось ни одного первоначального куска. Философы показывали на него и говорили: «Вот образец диалектического противоречия: это и тот корабль, и не тот корабль».

Там же, на Акрополе, показывали и еще более древние достопримечательности. Когда-то за покровительство Аттике спорили Посейдон и Афина. Посейдон ударил трезубцем, и из

земли забил источник соленой воды; Афина ударила копьем, и из земли выросло оливковое дерево; боги решили, что дар Афины полезнее, и присудили ей победу. Этот колодец с соленой водой показывали в храме Эрехтея, а эту оливу – в храме Афины-Градодержщицы.

Точно известна была не только первая в мире олива, но и вторая: она росла невдалеке от Афин в священной роще Академа, где учил философ Платон. Только два дерева на свете были старше этих двух: священная ива Геры на Самосе и священный дуб Зевса в Додоне. А следующими по старшинству после двух оливок были лавр Аполлона на острове Сиросе и тополь, посаженный в Аркадии царем Менелаем перед походом на Троию. Им поклонялись и приносили жертвы.

В пелопоннесском городе Лепрее ничего особенного не показывали. Зато сам город носил имя царя Лепрея, соперника Геракла. Лепрей вызвал Геракла на спор, кто больше съест, и остался победителем в этом нелегком состязании. Тогда, возрадовавшись, он вызвал Геракла на спор, кто кого поборет, и из этого спора уже живым не вышел. Не знаю, есть ли здесь чем гордиться, но лепрейцы гордились.

Такие местные предания рассказывались повсюду. Сказка отошла в прошлое, но следы ее оберегались и чтились. Часто эти рассказы противоречили друг другу, но никто этим не смущался. На Крите рассказывали, что Минос, сын Зевса, был мудрый и справедливый царь, давший людям первые законы; в Афинах рассказывали, что Минос был жестокий угнетатель, бравший с Афин дань живыми людьми в жертву чудовищу Минотавр. Греки помнили рассказы критян, но охотнее пересказывали рассказы афинян: они были интереснее. «Вот как опасно враждовать с городом, где есть хорошие поэты и ораторы!» – замечает по этому поводу писатель Плутарх.

Эти предания служили даже доводами в политических спорах. Между Афинами и Мегарой лежал остров Саламин (впоследствии знаменитый); оба города долго воевали за него друг с другом, а потом, изнемогши, решили отдать свой спор на третейский суд Спарте. Выдвинули доводы. Мегаряне сказали: «В Афинах жрица Афины-Градодержщицы не имеет права есть афинский сыр, а саламинский сыр ест; стало быть, Саламин – земля не афинская». Афиняне возразили: «В Мегаре покойников хоронят головой на восток, в Афинах – на запад, на Саламине – как в Афинах; стало быть, Саламин – земля афинская». Этот довод показался спартам более веским: Саламин остался за Афинами.

Поэтому неудивительно, что, когда античный человек действительно сталкивался с диковинкой природы, он прежде всего объяснял ее каким-нибудь мифологическим воспоминанием, так что нам даже трудно понять, что же это было на самом деле. Вы думаете, что козлоногие сатиры перевелись, когда бог Дионис перестал показываться людям? Нет. Последнего сатира поймали римские солдаты, когда их полководец Сулла, трезвый, жестокий и ни в каких сатиров не веривший, воевал в Греции с царем Митридатом Понтийским. Сатира связали, притащили в лагерь и стали допрашивать через переводчиков на всех языках, но он, большой, лохматый и грязный, только испуганно озирался и жалобно блеял по-козлиному. Сулле стало страшно, и он приказал отпустить сатира. И все это было лет через пятьсот после тех времен, о которых мы рассказываем, когда сказка, казалось бы, давно уже отошла в прошлое.

СКАЗКУ НАЧИНАЮТ ОСПАРИВАТЬ

Сказка сказке рознь. Одни сказки рассказывают и верят, что так оно и было; это – мифы. Другие – рассказывают и знают, что все это придумано, а на самом деле такого не бывает; это – сказка в полном смысле слова. Мифы могут превращаться в сказки: какая-нибудь баба-яга для совсем маленького ребенка – миф, а для ребенка постарше – сказка. Рассказ о том, как Геракл вывел из преисподней трехголового пса Кербера, для греков времен Гомера был мифом, для нас это сказка. Когда произошла эта перемена? Для кого как. Люди темные до

конца античности, да и много позже, верили и в Кербера, и в еще более сказочных чудовищ. Люди вдумчивые начинали оставлять эту веру как раз в пору, до которой дошел наш рассказ.

В самом деле, с виду мы представляем себе богов как людей, только лучше; стало быть, и нрав и поступки у богов должны быть как у людей, только лучше. Между тем в мифах боги ведут себя так, как не позволил бы себе ни один человек. Кронос, отец богов, пожирал своих детей; Аполлон и Артемида за гордость Ниобы перебили всех ее сыновей и дочерей; Афродита изменяла своему мужу, хромоту Гефесту, с воинственным Аресом; Гермес, едва родившись, украл коров у Аполлона и так далее, без конца. Можно ли все это понимать буквально? Очевидно, нет. Понимать это нужно иносказательно.

Иносказания могут быть двоякого рода. Можно сказать: Зевс – это молния, Гера – небо; если в «Илиаде» сказано, что Зевс бил Геру, это значит, что была гроза и молнии полосовали небо. Или можно сказать: Геракл – это разум, дикие чудовища – это страсти; подвигами своими Геракл учит нас властвовать нашими страстями.

До таких сложных выдумок пока еще было далеко. Но что привычные гомеровские сказания нужно воспринимать не как миф, а как наивную сказку и что представлять себе богов толпой бессмертных исполинов, у которых все как у людей, уже всерьез нельзя – это многим становилось понятно. И уже ходил по Греции поэт-философ Ксенофан, дразня слушателей вызывающе смелыми стихами:

Все Гесиод и Гомер на богов возвели понапрасну,
Что меж людьми позорным слывет и клеймится хулою —
Красть, и жен отбивать, и друг друга обманывать хитро...

И еще:

Для эфиопа все боги, как сам он, черны и курносы,
А для фракийца они, как он сам, синеоки и русы...
Если бы руки имели быки, или львы, или кони,
То и они бы придали богам свой собственный облик:
Бык быку, конь коню написал бы подобного бога...

И слушатели восклицали: «Он прав! Лучше вообще не верить в богов, чем верить в таких, как у Гомера: меньше грешит неверующий, чем суеверный. Что бы ты предпочел: чтобы о тебе говорили: „Такого человека нет“ или „Такой человек есть, но он зол, коварен, драчлив и глуп“? Уж, пожалуй, лучше первое!»

Если мифы о богах усложнялись в толкованиях, то мифы о героях упрощались. Собственно, начал это еще Гомер. Каждый знает выражение «ахиллесова пята», которое значит «слабое место»: богиня – мать Ахилла омыла его младенцем в волшебной воде, и он стал неуязвим повсюду, кроме пятки, за которую она его держала. Но если перечитать «Илиаду», то ни единого упоминания об Ахиллесовой пяте там нет: Ахиллу защита – не волшебство, а его смелость и ратное искусство. Вот таким же образом стали перетолковывать слишком неправдоподобные места и в других мифах. Дедал с Икаром сделали себе крылья и улетели по воздуху от царя Миноса? Нет, это значит: Дедал изобрел первые паруса, и непривычным к этому людям они показались крыльями. Ревнивая Медея подарила невесте Ясона плащ, намазанный волшебным зельем, и та в нем сгорела? Медея была с Кавказа, на Кавказе из земли бьет горячая нефть, ею-то и был намазан плащ, а когда невеста подошла в нем к зажженному алтарю, он воспламенился. На Крите был Лабиринт, куда заключали пленников на съедение Минотавру? Просто это была очень большая тюрьма под таким названием. Ниоба, оплакивающая своих детей, обратилась в камень? Просто она умерла, и над могилой ее поставили каменную ста-

тую. Таких объяснений набралась впоследствии целая книга – по правде сказать, довольно-таки скучная.

Всерьез ли относились греки к таким прозаическим толкованиям? Вряд ли. Просто они понимали, что если сказочно-поэтическое объяснение и разумно-практическое объяснение поставить рядом, то от этого и поэзия, и разум станут каждый по-своему выразительнее.

ЧЕМ КОНЧИЛАСЬ ТРОЯНСКАЯ ВОЙНА?

Эта глава – только для тех, кто хорошо помнит миф о Троянской войне: от похищения Елены до падения Трои. Греки этот миф знали отлично, потому что один из его эпизодов излагался в национальной поэме греческого народа – в «Илиаде» легендарного Гомера. А сейчас вы узнаете, как один из греков с самым серьезным видом – чтобы было забавнее – доказывал, что «на самом деле» все должно было быть иначе: Елена не была похищена, и Троя не была взята. Этого грека звали Дион Златоуст. Он жил уже во времена Римской империи. Он был странствующим философом и оратором: разъезжал по греческим городам и произносил речи на самые разнообразные темы. Он был умный человек и, как мы увидим, не лишенный чувства юмора. Эту свою речь он произнес перед жителями Трои. Да, Трои: на месте легендарной столицы царя Приама через несколько веков был построен греческий городок. Он был маленький и захудалый, но гордо носил свое славное имя. Итак, слово предоставляется философу Диону по прозвищу Златоуст.

«Друзья мои троянцы, человека легко обманывать, трудно учить, а еще трудней – перечивать. Гомер своим рассказом о Троянской войне обманывал человечество почти тысячу лет. Я докажу это с совершенной убедительностью; и все-таки я предчувствую, что вы не захотите мне поверить. Жаль! Когда мне не хотят верить аргосцы, это понятно: я отнимаю у их предков славу победы над Троей. Но когда мне не хотят верить троянцы, это обидно: им же должно быть приятно, что я восстанавливаю честь их предков-победителей. Что делать! Люди падки до славы – даже когда она дурная. Люди не хотят быть, но любят слыть страдальцами.

Может быть, мне скажут, что такой великий поэт, как Гомер, не мог быть обманщиком? Напротив! Гомер был слепым нищим-певцом, он бродил по Греции, пел свои песни на пирах перед греческими князьями и питался их подаванием. И, конечно, все, о чем он пел, он перетолковывал так, чтобы это было приятнее его слушателям. Да и то ведь – заметьте! – он описывает лишь один эпизод войны, от гнева Ахилла до смерти Гектора. Описать такие бредни, как похищение Елены или разорение Трои, – на это даже у него не хватило духу. Это сделали обманутые им более поздние поэты.

Как же все было на самом деле? Давайте посмотрим на историю Троянской войны: что в ней правдоподобно, а что нет.

Нам говорят, что у спартанской царевны Елены Прекрасной было много женихов; она выбрала из них Менелая и стала его женой; но прошло несколько лет, в Спарту приехал троянский царевич Парис, обольстил ее, похитил и увез в Трою; Менелай и остальные бывшие женихи Елены двинулись походом на Трою, и так началась война. Правдоподобно ли это? Нет! Неужели чужеземец, приезжий мог так легко увлечь за собой греческую царицу? Неужели муж, отец, братья так плохо следили за Еленой, что позволили ее похитить? Неужели троянцы, увидев у своих стен греческое войско, не захотели выдать Елену, а предпочли долгую и погибельную войну? Допустим, их склонил на это Парис. Но ведь потом Парис погиб, а троянцы все-таки не выдали Елену – она стала женой его брата Деифоба. Нет, скорее всего, все было иначе. Действительно, у Елены было много женихов. И одним из этих женихов был Парис. Что было за душой у греческих вождей, сватавшихся к Елене? Клочок земли да громкое звание царя. А Парис был царевичем Трои, а Троя владела почти всей Азией, а в Азии были несметные богатства. Что же удивительного, что родители Елены предпочли всем грекам-женихам тро-

янца Париса? Елену выдали за Париса, и он увез ее в Трою как законную жену. Греки, конечно, были недовольны: во-первых, было обидно, во-вторых, уплывало из рук богатое приданое, в-третьих, было опасно, что могучая Троя начинает вмешиваться в греческие дела. Оскорбленные женихи (конечно, каждый был оскорблен за себя; за обиду одного лишь Менелая они бы и пальцем не шевельнули!) двинулись походом на Трою и потребовали выдачи Елены. Троянцы отказались, потому что они знали: правда на их стороне и боги будут за них. Тогда началась война.

Теперь подумаем: велико ли было греческое войско под Троей? Конечно нет: много ли народу увезешь на кораблях за тридевять земель? Это был, так сказать, небольшой десантный отряд, достаточный, чтобы грабить окрестные берега, но недостаточный, чтобы взять город. И действительно: девять лет стоят греки под Троей, но ни о каких победах и подвигах мы ничего не слышим. Вот разве что Ахилл убивает троянского мальчика-царевича Троила, когда тот выходит к ручью за водой. Хорош подвиг – могучий герой убивает мальчишку! И разве не видно из этого рассказа, как слабы в действительности были греки: даже мальчик, царский сын, безбоязненно выходит по воду за городские ворота.

Но вот приходит десятый год войны – начинается действие „Илиады“ Гомера. С чего оно начинается? Лучший греческий герой Ахилл ссорится с главным греческим вождем Агамемноном; Агамемнон созывает войско на сходку, и оказывается, что войско так и рвется бросить осаду и пуститься в обратный путь. Что ж, это вполне правдоподобно: ссоры начальников и ропот солдат – самое естественное дело на десятом году неудачной войны. Затем троянцы наступают, теснят греков, отбрасывают их к самому лагерю, потом к самым кораблям, – что ж, и это правдоподобно, даже Гомер не смог здесь извратить действительного хода событий. Правда, он старается отвлечь внимание читателя описанием поединков Менелая с Парисом, Аякса с Гектором – поединков, доблестно закончившихся вничью. Но ведь это известный прием: когда на войне дела плохи и армия отступает, то в донесениях всегда кратенько, мимоходом пишут об отступлении, а зато очень пространно – о каком-нибудь подвиге такого-то и такого-то удалого солдата.

Теперь – самое главное. Слушайте внимательно, друзья мои троянцы: я буду перечислять только факты, а вы сами судите, какое их толкование убедительней. В первый день троянского натиска Ахилл не участвует в бою: он еще сердит на Агамемнона. Но вот во второй день навстречу троянцам выходит могучий греческий герой в доспехах Ахилла. Он храбро сражается, убивает нескольких троянских воинов, а потом сходит с Гектором и гибнет. В знак победы Гектор снимает и уносит его доспехи. Кто был этот воин в доспехах Ахилла? Каждому понятно: это был сам Ахилл, это он выступил на помощь своим и это он погиб от руки Гектора. Но грекам обидно было это признать – и вот Гомер изобретает самую фантастическую из своих выдумок. Он говорит: в доспехах был не Ахилл, а его друг Патрокл; Гектор убил Патрокла, а Ахилл на следующий день вышел на бой и отомстил за друга, убив Гектора. Но кто же поверит, чтобы Ахилл послал своего лучшего друга на верную смерть? Кто поверит, что Патрокл пал в бою, когда курганы всех героев Троянской войны до сих пор стоят недалеко от Трои, а кургана Патрокла среди них нет? Наконец, кто поверит, что сам Гефест ковал для Ахилла новые доспехи, что сама Афина помогала Ахиллу убить Гектора, а вокруг бились друг с другом остальные боги – кто за греков, кто за троянцев? Все это детские сказки!

Итак, Ахилл погиб, сраженный Гектором. После этого дела греков пошли совсем плохо. Между тем к троянцам подходили все новые и новые подкрепления: то Мемнон с эфиопами, то Пенфесилея с амазонками. (А союзники, известное дело, помогают только тем, кто побеждает: если бы троянцы терпели поражения, все бы их давно покинули!) Наконец греки попросили мира. Договорились, что в искупление несправедливой войны они поставят на берегу деревянную статую коня в дар Афине Палладе. Так и сделали, а потом греки отплыли по домам. Что же касается истории о том, будто в деревянном коне сидели лучшие греческие герои и будто

отплывшие греки вернулись под покровом ночи, проникли в Трою, овладели ею и разорили ее, – все это настолько неправдоподобно, что даже не нуждается в опровержении. Греки выдумали это, чтобы не так стыдно было возвращаться на родину. А как по-вашему, когда царь Ксеркс, разбитый греками, возвращался к себе в Персию, о чем он объявил своим подданным? Он объявил, что ходил походом на заморское племя греков, разбил их войско при Фермопилах, убил их царя Леонида, разорил их столичный город Афины (и все это была святая правда!), наложил на них дань и возвращается с победою. Вот и все; персы были очень довольны.

Наконец, посмотрим, как вели себя греки и троянцы после войны. Греки отплывают от Трои наспех, в бурную пору года, не все вместе, а порознь: так бывает после поражений и раздоров. А что ждало их на родине? Агамемнон был убит, Диомед – изгнан, у Одиссея женихи разграбили все имущество, – так встречают не победителей, а побежденных. Недаром Менелай на обратном пути столько мешкал в Египте, а Одиссей – по всем концам света, они просто боялись показаться дома после бесславного поражения. А троянцы? Проходит совсем немного времени после мнимого падения Трои – и мы видим, что троянец Эней с друзьями завоевывает Италию, троянец Гелен – Эпир, троянец Антенор – Венецию. Право же, они совсем не похожи на побежденных, а скорее на победителей. И это не выдумка: во всех этих местах до сих пор стоят города, основанные, по преданию, троянскими героями, и среди этих городов – основанный потомками Энея великий Рим.

Вы не верите мне, друзья мои троянцы? Рассказ Гомера кажется вам красивее и интереснее? Что ж, я этого ожидал: выдумка всегда красивее правды. Но подумайте о том, как ужасна война, как неистовы зверства победителей, представьте себе, как Неоптолем убивает старца Приама и малютку Астианакта, как отрывают от алтаря Кассандру, как царевну Поликсену приносят в жертву на могиле Ахилла, – и вы сами согласитесь, что куда лучше тот исход войны, который описал я, куда лучше, что греки так и не взяли Трою!»

СОСТЯЗАНИЕ ГОМЕРА С ГЕСИОДОМ

Вы помните: в Паросской хронологической таблице стояли рядом имена двух самых древних греческих поэтов – Гомера и Гесиода. Имя Гомера нам уже знакомо, а с Гесиодом мы еще не встречались. Это был такой же народный певец, как Гомер, но пел он совсем о другом: не о сказке, а о жизни. Его самая известная поэма называлась «Труды и дни». Это были стихотворные советы крестьянам: когда пахать землю, когда сеять, как хозяйничать, чтобы иметь доход и пользоваться уважением. «Малопоэтическая тема!» – скажете вы. Пожалуй; однако слушатели у Гесиода были. И однажды ему даже присудили победу в состязании с самим Гомером. Это тоже было признаком времени: время сказки начинало отходить в прошлое.

За честь зваться родиной Гомера спорили семь городов; о родине Гесиода споров не было, потому что он сам ее называет в своей поэме. Он был крестьянином из беотийской деревушки Аскры; у него был злой брат, который оттягал у Гесиода его законный участок земли; в поучение этому брату и написал Гесиод свою наставительную поэму.

Встретились два певца на большом народном празднике в городе Халкиде. Зачинщиком состязания был Гесиод. Чтоб легче одержать победу, он вызвал Гомера на сочинение стихов не героических, а поучительных:

О песнопевец Гомер, осененный мудростью свыше,
Молви, какая на свете для смертных лучшая доля?

Ответ Гомера был мрачный:

Лучшая доля для смертных – совсем на свет не родиться,

А для того, кто рожден, – скорей отойти к преисподним.

Гесиод спросил снова:

Молви, прошу, еще об одном, Гомер богоравный:
Есть ли для смертных для нас какая на свете услада?

Ответ Гомера был бодрый:

Лучшее в жизни – за полным столом, в блаженстве и в мире
Звонкие чаши вздымать и слушать веселые песни.

Гесиод сократил вопрос с двух стихов до одного:

Молви в коротких словах, чего нам молить у бессмертных?

Гомер сделал то же самое:

Сильного тела и бодрого духа: не в этом ли счастье?

Гесиод ухватился за последнее слово:

Что же у нас, кратковечных людей, называется счастьем?

Гомер ответил:

Жизнь без невзгод, услады без боли и смерть без страданий.

Увидев, что Гомер слагает поучительные стихи не хуже, чем он, Гесиод решил одолеть соперника хитростью. Он стал запевать загадочные или прямо бессмысленные строки, а Гомер должен был их подхватывать и на ходу распутывать все непонятности. Гесиод начал:

Спой нам песню, о Муза, но спой не обычную песню:
Не говори в ней о том, что бывало, что есть и что будет.

Гомер тотчас откликнулся:

Истинно так: никогда не помчатся в бегу колесничном
Смертные люди, справляя помин по бессмертному Зевсу.

Гесиод начал описание какого-то странного пира:

Сели они, чтобы вволю поесть коней быстроногих...

Гомер подхватил:

...коней быстроногих
Мирно пустили пастись: довольно они воевали.

Гесиод продолжал:

Так пировали они целый день, ничего не вкушая...

Гомер подхватил:

...ничего не вкушая
Из своего добра: но все им давал Агамемнон.

Гесиод продолжал:

После свершили они возлиянья и выпили море...

Гомер и тут вышел из положения:

...море
Стали они бороздить на своем корабле крутобоком.

Тогда Гесиод увидел, что Гомера не возьмешь и на загадках. Оставалось одно: чтобы каждый спел перед судьями тот отрывок своей поэмы, который он считает лучшим. Гомер запел о битве:

Щит со щитом, шишак с шишаком, человек с человеком
Тесно смыкался; касались светлыми бляхами шлемы,
Зыблясь на воинах: так аргивяне, сгустясь, стояли;
Копья змеились, грозно колеблемы храбрых руками;
Прямо они на троян устремляясь, пылали сразиться...
Грозно кругом зачернелось ратное поле от копий,
Длинных, убийственных, частых, как лес; ослеплялися очи
Медным сияньем от выпуклых шлемов, безмерно сверкавших,
Панцирей, вновь уясненных, и круглых щитов лучезарных
Воинов, к бою сходящихся...

А Гесиод запел о посеве:

Вечным законом бессмертных положено людям трудиться:
Делай, что я говорю, за работой работу свершая!
Лишь на востоке начнут восходить семизвездьем Плеяды,
Жать поспешай; а начнут заходить – за посев принимайся.
Влажная почва ль, сухая ль – паши, передышки не зная,
С ранней вставая зарею, чтоб пышная выросла нива.
Семя землею засыпь. Для смертных порядок и точность
В жизни полезней всего, а вреднее всего беспорядок.
Склонятся так до земли наливные колосья на ниве —
Только бы добрый исход пожелал даровать Олимпиец!..

Народ рукоплескал Гомеру. Однако судьи, посовещавшись, объявили: «Победитель – Гесиод». Почему? «Потому что Гомер воспевает войну, а Гесиод – мирный труд, Гомер

учит убийству и разрушению, Гесиод – созиданию и справедливости. Кто же достойней?» С этим всем пришлось согласиться. Награду получил Гесиод.

О том, как Гомер умер, рассказывали вот что. Мы видели, как он разгадал все загадочные стихи, предложенные ему Гесиодом. Гордый своей проницательностью, он приехал на островок Иос. На берегу Иоса сидели два рыбака и обирали вшей с одежды. Гомер не видел этого: он был слепой. Он сказал им:

Доброго здравья, друзья-рыбаки! Велика ли добыча?

Рыбаки ответили:

Все, что поймаем, – отбросим, чего не поймаем – уносим.

Это тоже была загадка, и Гомер не смог ее отгадать. Он попросил объяснения. А узнав, как проста была разгадка, он загрустил, затосковал и скоро от горя умер. Его могилу показывали на острове Иосе. Из-за нее даже не спорили семь городов.

О том, как умер Гесиод, рассказывали по-другому. Одержав победу, он решил обойти всю Грецию и научить народ справедливости. Это оказалось нелегким делом. Гесиод уже одряхлел, а научить народ справедливости все никак не удавалось. Тогда он взмолился богам, и боги сделали чудо: вернули ему молодость. Со свежими силами он взялся вновь за свое доброе дело. Однако вместе с юной силой к нему вернулась юная красота, и это его погубило. Дело было опять в Халкиде, где когда-то он победил Гомера. В него влюбилась одна из самых знатных девушек города. Братья девушки возмутились. Что они сделали с сестрою, неизвестно, но Гесиода они подстерегли и убили. Тело его бросили в море, и море вынесло его на берег его родной Беотии. Надпись на его могиле сочинил другой великий беотийский поэт – Пиндар:

Дважды ты юношей был и дважды изведal кончину. —
Будь же для нас, Гесиод, мудрости вечный пример!

«ВОЙНА МЫШЕЙ И ЛЯГУШЕК»

Прощаться с прошлым можно в слезах, а можно с улыбкой. Последним прощанием греков с царством сказки была улыбка. Самым полным итогом мифологического века были поэмы Гомера, и вот на поэмы Гомера была сочинена веселая пародия под заглавием «Война мышей и лягушек», по-гречески – «Батрахомиамахия». Она вся состоит из привычных гомеровских строк и оборотов, только имена и предметы названы в них совсем не героические, потому что воюют не ахейцы с троянцами, а мыши с лягушками. Греки уверяли, что сочинил эту поэму сам Гомер в веселую минуту.

В жаркий летний полдень мышиный царевич Крохобор пил воду из болотца и встретил там лягушиного царя Вздупморда. Тот обратился к нему с теми же словами, с какими не раз обращались к скитальцу Одиссею:

Странник, ты кто? из какого ты рода? и прибыл откуда?

Слово за слово, они познакомились, лягушка посадила мышь себе на спину и повезла показывать чудеса земноводного царства. Плыли мирно, как вдруг лягушонок увидел впереди водяную змею, пришел в ужас и нырнул в воду из-под товарища. Несчастный мышонок утонул, но успел произнести страшное проклятие:

... Грозного не избежишь ты возмездья от рати мышиной!

И действительно, мыши, узнав о смерти своего царевича, взволновались. Царь Хлебогрыз произнес трогательную речь:

Други, хотя и один я теперь претерпел от лягушек,
Лютая может беда приключиться внезапно со всяким!
Жалкий, несчастный родитель, троих сыновей я лишился:
Первого сына сгубила, свирепо похитив из норки,
Нашему роду враждебная, неукротимая кошка.
Сына второго жестокие люди на смерть натолкнули,
С необычным искусством из дерева хитрость устроив, —
Эту пагубу нашу ловушкой они называют.
Третий же сын был и мой он любимец, и матери нежной, —
Ах, и его погубил Вздумоморд, сманивши в пучину!
Но ополчимся, друзья, и грянем в поход на лягушек,
Тело, как должно, свое облачив в боевые доспехи!..

Мыши вооружаются по всем эпическим правилам:

Прежде всего облекли они ноги и гибкие бедра,
Ловко для этого стручья зеленых бобов приспособив, —
Их же в течение ночи немало они понагрызли.
А с камышей прибережных сняв шкуру растерзанной кошки,
Мыши, ее раздравши, искусно стготовили латы.
Вместо щита был блестящий кружочек светильни, а иглы
(Всякою медью владеет Арес!) им как копья служили.
Шлемом надежным для них оказалась скорлупка ореха.
Во всеоружье таком на войну ополчились мышата.

Лягушки – тоже:

Голени прежде всего они листьями мальвы покрыли,
Крепкие панцири соорудили из свеклы зеленой,
А для щитов подобрали искусно капустные листья.
Вместо копья был тростник у них длинный и остроконечный.
Шлем же для них заменяла улитки открытой ракушка.
Так на высоком побережье стояли, сомкнувшись, лягушки,
Копьями все потрясали, и каждый был полон отваги.

Зевс, как в «Илиаде», созывает богов и предлагает им помогать кто кому хочет. Но боги осторожны. «Не люблю я ни мышей, ни лягушек, – говорит Афина, – мыши грызут мои ткани и вводят в расходы на починку, а лягушки кваканьем мешают мне спать;

Да и зачем вообще помогать нам мышам иль лягушкам?
Острой стрелюю поди и бессмертного могут поранить!
Бой у них ожесточенный, пощады и богу не будет;
Лучше, пожалуй, нам издали распрей чужой наслаждаться».

А на берегу болота уже начинается битва и уже гибнут (в безукоризненно гомеровских выражениях) первые герои:

Первым Квакун Сластолиза (тот в передних рядах подвизался)
Метким копьем поражает в самую печень по чреву:
С грохотом страшным он пал, и доспехи на нем зазвенели.
Этому вслед Норолаз поражает копьем Грязевого
Прямо в могучую грудь: отлетела от мертвого тела
Живо душа, и упавшего черная смерть осеняет...
Соне Болотному смерть причинил Блюдолиз безупречный,
Дротик свой бросив, – и тьма ему взоры навеки покрыла.
Это увидел Чесночник и, за ноги труп расторопно
Крепкой рукою схвативши, в болото Болотного бросил.
Тут за убитого друга герой Крохоед заступился —
Ранил жестоко Чесночника в печень, под самое чрево:
Тело простерлось бессильно, душа же в Аид отлетела...

Мыши одолевают. Особенно среди них отличается

...Славный герой Блюдоцап, знаменитого сын Хлебоскреба.

Сам Зевс, глядя на его подвиги, говорит, «головой сокрушенно качая»:

Боги! великое диво я вижу своими глазами —
Скоро, пожалуй, побьет и меня самого сей разбойник...

Зевс бросает с небес молнию – мыши и лягушки содрогаются, но не перестают воевать.
Приходится применить другое средство:

Вдруг появились создания странные: кривоклешневы,
В латы закованы, винтообразны, с походкой кривою,
Рот – словно ножницы, кожа – как кости, а плечи лоснятся,
Станом искривлены, спины горбаты, глядят из-под груди,
Рук у них нет, зато восьмеро ног, и к тому ж двухголовы.
Раками их называют... И тотчас они начинают
Мышьи хвосты отгрызать, а с хвостами и ноги и руки.
Струсил жалкие мыши и, копья назад повернувши,
В бегство пустились постыдное... Солнце меж тем закатилось,
И однодневной войне волей Зевса конец наступает.

...А ЕЩЕ О ПЕТУХАХ И КОШКАХ

Двести лет назад вы прочли бы в учебниках, что «Войну мышей и лягушек» написал, конечно, сам Гомер. Сто лет назад вы прочли бы, что ее сочинили на два-три века позже, во время греко-персидских войн (сухопутные персы, земноводные греки – чем не повод для пародии?). Теперь вы прочтете, что она сочинена еще двумя веками позже, в александрийскую эпоху, когда люди уже научились думать и писать не по-гомеровски и смеяться над

гомеровской манерой стало нетрудно. А впервые усомнились ученые в авторстве Гомера вот почему. В «Войне мышей и лягушек» богиня Афина жалуется, что кваканье лягушек не дает ей спать до петушьего пения. А петухи и куры появились в Греции только через двести лет после Гомера: когда Гомер описывает богатые дома и дворы, там еще нет кур, а есть только гуси. Разведение кур пришло из Азии, и курица еще долго называлась «персидской птицей». А домашние кошки, приученные ловить мышей, появились в Европе совсем поздно, уже в римскую эпоху. Кошки, о которых упоминается в «Войне мышей и лягушек», – только дикие (лесные или камышовые) и очень хищные.

СЛОВАРЬ I

Все начинается с азбуки

В Паросской хронологической таблице было сказано: «Царь Кадм пришел из Финикии и научил греков письменности». Здесь миф сохранил память о действительности: в самом деле, греки заимствовали и очертания, и названия своих букв у финикийцев. А от греков их переняли, по-разному видоизменив, с одной стороны, римляне с их латинским языком (и за ними все народы новой Европы), а с другой – славяне, в том числе мы.

С буквами греческой азбуки можно встретиться и в математике, и в физике, и в астрономии. Поэтому вот вам весь греческий алфавит: двадцать четыре буквы плюс три добавочных. Слева написаны названия этих букв в финикийском языке и значения этих названий.

					лат.	рус.
алеф (бык)	Аа	альфа	α	1	A	А
бет (дом)	Вβ	бета (вита)	β → в	2	B	В
гимел (верблюды)	Гγ	гамма	γ	3	C,G	Г
далет (дверь)	Дδ	дельта	δ	4	D	Д
хэ —	Еε	эпсилон	ε краткое	5	E	Е

—	ς	(стигма)	—	6		
зайн (оружие)	Zζ	дзета (зита)	δз → з	7	Z	З
хет (ограда)	Ηη	эта (ита)	э долгое → и	8	Η	И
тэт (груз)	Θθ	тэта (фита)	т ^х → англ. <i>th</i>	9		
йод (рука)	Ιι	иота	и	10	Ι	
каф (ладонь)	Κκ	каппа	κ	20	Κ	К
ламед (стрекало)	Λλ	лямбда	λ	30	Λ	Л
мем (вода)	Μμ	мю (ми)	μ	40	Μ	М
нун (рыба)	Νν	ню (ни)	ν	50	Ν	Н
самех (подпорка)	Ξξ	кси	κς	60		
айн (глаз)	Οο	омикрон	ο краткое	70	Ο	О
пе (рот)	Ππ	пи	π	80	Ρ	П
коф (обезьяна)	Ϝϝ	(коппа)	—	90	Q	
реш (голова)	Ρρ	ро	ρ	100	R	Р
шин (зуб)	Σς	сигма	ς	200	S	С
тав (крест)	Ττ	тау	τ	300	T	Т
вав (гвоздь)	Υυ	ипсилон	нем. <i>ü</i> фр. <i>u</i> → <i>i</i>	400	Υ	У
—	Φφ	фи	π ^х → φ	500		Ф
—	Χχ	хи	κ ^х → χ	600	X	Х
—	Ψψ	пси	πς	700		
—	Ωω	омега	ο долгое	800		
цадэ —	Ϻ	(сампи)	—	900		

В греческом языке было легкое придыхание, вроде *h* в начале английского *house* или немецкого *Haus* (^хюдор – вода), и были три придыхательных согласных звука, вроде *т^х*, *п^х* и *к^х*. Но что значат эти стрелки и что значат эти цифры?

Стрелки значат, что некоторые буквы в разные эпохи произносились по-разному: например, *бета* в древности произносилась *β*, а в средние века стала произноситься *в* (и называться *вита*; отсюда наше слово «алфавит»). У этих перемен были некоторые неожиданные последствия. В старину в русском алфавите было целых три буквы для звука *и* – «И», «і» («и с точкой») и «ижица» (писалась *V*); почему? Потому что русский алфавит вышел из старославянского, а старославянский был создан в средние века по образцу греческого, а в греческом тогда для *и* было как раз три буквы: *эта* (*ита*), *иота* и *ипсилон*. В русском алфавите было две буквы для звука *ф*: «Ф» и «Θ» (*фита*); почему? По тому же самому: русская буква «Ф» передавала греческую *фи*, а русская *фита* – греческую *тэту*. Одни и те же имена перешли в латинский язык (и оттуда в европейские), когда в них звучали еще древние звуки, а в славянский (и оттуда в русский) – когда эти звуки стали звучать по-новому. Поэтому одно и то же имя по-немецки или по-французски звучит *Теодор*, а по-русски *Феодор*, *Фёдор*, по-итальянски *Базилио*, а по-русски *Василий*.

И не только имена. Можно сказать *киник*, и тогда это будет означать философа одной греческой философской школы; можно сказать *циник*, и тогда это будет означать человека умного,

но грубого и не желающего знать приличий. Почему так переосмыслилось это слово, вы прочтете в этой книге дальше.

Поэтому на всякий случай помните: на самом деле древнегреческие названия часто звучали совсем не так, как их произносим мы. Мы говорим *Фивы*, а грек говорил *Т^хэбай*; мы говорим *Афины*, грек говорил *Ат^хэнай*; мы говорим *Сиракузы*, грек говорил *Сюракосай*. Впрочем, с названиями это дело обычное: точно так мы называем город *Пари* Парижем, *Рома* — Римом, *Лондон* — Лондоном, а *Вин* — Веной.

А цифры значат вот что. У греков не было особых знаков для цифр: числа обозначались буквами. Чтобы написать 1375, писали АТОЕ: (1000 + 300 + 70 + 5). От 1 до 999 хватало букв алфавита (правда, к ним пришлось добавить три старинные и малоупотребительные; в таблице они в скобках), тысячу обозначали А', десять тысяч Γ', а с очень большими числами греки почти не имели дела. Поэтому слова и числа выглядели очень похоже. Буквы ΧΙΑ можно было прочесть как слово *хиа* (женщина с острова Хиоса) и можно — как число: 600 + 10 + 1 = 611. Такой игрой в числовые значения слов увлекались еще много веков спустя после того, как перешли к более удобной записи чисел. Так, у Льва Толстого в «Войне и мире» Пьер Безухов, обнаружив, что сумма букв-чисел в его имени и в имени Наполеона одна и та же, делает из этого вывод, что именно ему предназначено судьбой убить Наполеона.

И не удивляйтесь, что одни и те же знаки «Н», «Р», «Х» в русской и латинской азбуке значат разные звуки. Русский алфавит восходит к восточногреческому, а латинский — к западногреческому, а между ними были небольшие отличия. Что же касается букв «П» и «Р», то просто они первоначально писались **Π** и **Ρ** и потом в одном алфавите упростились в «П» и «Р», а в другом в «Р» и «R».

Заодно с буквами вот вам кое-что и о числах. Корень *одно-* будет *моно-*, *перво-* — *прото-*, *дву-* — *ди-*, *трех-* — *три-*, *четырёх-* — *тетра-*, *пяти-* — *пента-*, *шести-* — *гекса-*, *семи-* — *гепта-*, *восьми-* — *окто-*, *десяти-* — *дека-*, *сто-* — *гекато-*, *тысяча* — *хили-*, *десять тысяч* — *мириа-*. Многие из этих корней вам знакомы: *мон-арх*, едино-властник; *прото-н*, перво-частица; *ди-лемма*, выбор между двумя решениями; *три-гоно-метрия*, наука о соотношении сторон трех-угольников; *тетра-дь*, то есть попросту «четвертка», лист, сложенный вчетверо; *пента-гон*, «пятиугольник», так называется здание американского военного министерства, построенное в форме пятиугольника. *Гекато-* исказилось в *гект-* и вошло в слово «гектар» (сто соток); *хили-* исказилось в *кило-* и присутствует в таких употребительных словах, как «килограмм» и «километр». А *мириада* (сто сотен) стало выражением неопределенно большого числа: «на темном небе лучились мириады звезд...»

ЧАСТЬ ВТОРАЯ ВЕК СЕМИ МУДРЕЦОВ, ИЛИ ГРЕЦИЯ ОТКРЫВАЕТ ЗАКОН

*Разрастается доблесть,
Как дерево, мечущее зеленые ветви,
Возносясь во влажный эфир
Меж мудрыми и праведными мужами...
Что сказано хорошо,
То звучит, не умирая,
И ложится на всеродящую землю и море
Светлых дел
Негаснущий луч.*

Пиндар

МИР-СЕМЕЙСТВО И МИР-ГОСУДАРСТВО

Древнейшие греки представляли себе мир и мировой порядок очень просто. Мир для них был похож на удобное родовое хозяйство, которое сообща вела большая семья олимпийских богов с ее домочадцами – низшими божествами, вела собственноручно, заботливо и деловито. Каждый бог успевал всюду поспеть, каждый знал свое дело, но в случае необходимости мог исполнить и чужое; каждый, завидев беспорядок, тотчас вмешивался сам и восстанавливал положение. Случались недоразумения и ссоры, как во всяком доме, но быстро улаживались. О законах никто не думал: когда вы живете в семье, разве вам нужны законы? Здесь все кажется простым, привычным и само собой разумеющимся: и что кому делать, и кому кого слушаться.

Время шло, жизнь становилась сложнее. Люди жили уже не родовыми поселками, а городами и государствами, общих дел стало гораздо больше, споров и несогласий вокруг этих дел – тоже. Раньше все дела были привычные, повторяющиеся из поколения в поколение; теперь все чаще приходилось сталкиваться с делами новыми и самим придумывать, как с ними сообща управляться. В дополнение к старым обычаям понадобились новые законы. Но если государство не может держаться без законов, то тем более не может держаться без законов огромный мир: никакому олимпийскому семейству сразу всюду не поспеть, всего не решить и обо всем не договориться. Очевидно, и в мире действуют какие-то общие законы, которым подчиняются и боги, и звезды, и земля, и люди. Каковы же они?

С этих пор мысль о всеобщих законах, управляющих и природой, и человеческим обществом, овладела умом грека и уже не покидала его.

Законы природы были предметом теоретическим, до них приходилось доходить умом. Законы общества приходилось осваивать практически: их нужно было составлять самим. И здесь начиналась жестокая борьба. Знать говорила: «Мы потомки богов и героев, наши деды и прадеды правили этим государством и передали свой опыт нам, мы богаты, крепки телом, даже грамотны – по справедливости власть должна принадлежать нам». Народ говорил: «Нас много, на войне наш строй спасает государство, в мирное время наш труд кормит государство, без нас знатные правители бессильны – по справедливости власть должна принадлежать нам». Справедливость спорила со справедливостью: решать спор должен был закон.

Пока спор происходил в старых городах, борющихся сдерживала старая сила: обычай, ссылка на заветы отцов. Но когда воздвигались новые города на новых местах, то здесь обычаев не было. Старались, конечно, сохранить и на новых местах обычаи тех старых мест, откуда явились основатели и поселенцы. Но их нужно было согласовать, нужно было отбросить что-то устарелое и добавить что-то непредусмотренное; не приложив ума, с этим было не справиться. Так появились первые записанные и – что важнее – первые продуманные законы.

А новых городов на новых местах именно в эту пору строилось очень много. Это были колонии.

КОЛОНИИ

Греция – каменистая бесхлебная страна, край пастухов и рыбаков. Плодородных долин было мало. Перенаселение грозило ей голодом. Спасаясь от голода, Греция искала новых

земель для заселения. Мы видели, как были заселены ближние заморские земли – малоазиатский берег Эгейского моря. Теперь пришел черед и для дальних заморских земель.

Есть старинное русское слово «выселки» – когда часть жителей селения снимается с места, перебирается на новое и там ставит отдельное селение. Именно таковы были новые заморские города греков. Мы их называем латинским словом «колонии». Но не надо понимать его в современном смысле слова: «зависимые и эксплуатируемые земли». Новые города были независимы от старых, откуда выселились их жители, и нимало не эксплуатировались ими. Это было отношение взрослых детей к родителям: независимое, но с почтением. Государство, основавшее колонию, так и называлось по-гречески: «метрополия», то есть «город-мать».

У греческой колонизации было три направления. Первое – на запад: там были заселены берега Южной Италии и Сицилии (где вырос город Сиракузы), а передовые поселения продвинулись еще дальше. Второе – на север: через Мраморное море в Черное море и по его берегам, вплоть до нынешних Ольвии, Херсонеса, Керчи и Риони. Третье – на юг: через Средиземное море, в Кирену и окрестные места. Все колонии были приморские. «Греки живут вокруг моря, как лягушки вокруг болота», – говорил философ Платон. Отправляясь в путь, переселенцы обращались к дельфийскому Аполлону за советом куда ехать, зажигали факел от священного огня «города-матери», садились на суда с женами и детьми и плыли к чужим берегам. Там договорами или силой отбирали у местных племен кусок прибрежной земли, ставили храмы, возводили дома и засеивали поля.

Иногда целые города бросали старые места и переправлялись на новые. Когда персы осадили ионийский город Фокею, то фокейцы всем народом сели на корабли, бросили в море кусок железа, сказали: «Когда это железо всплывет из моря, тогда и мы вернемся под власть персов!» – и отплыли в западные моря.

Иногда отплывал не целый народ, а целое поколение. Тарент, самый большой греческий город в Италии, был основан так. Шла первая Мессенская война. Десять лет спартанцы осаждали мессенцев на горе Ифоме, поклявшись не возвращаться в Спарту до победного конца; десять лет спартанки в Спарте ждали мужей и не рождали детей. Спартанцы забеспокоились, что останутся без потомства, и позволили женам взять в наложники илотов. Родились дети, выросли, потребовали гражданских прав, но война уже кончилась, и им отказали. Тогда они всем поколением выселились в Италию и основали там Тарент. Во главе переселенцев был сын того спартанца, который подал совет завести детей от илотов.

Потомок аргонавтов Батт с острова Феры был заикою. Он отправился в Дельфы спросить, как ему избавиться от заикания. Оракул сказал: «Выведи поселение в Ливию». Батт удивился, потому что спрашивал он совсем не об этом, но послушался оракула. Греки высадились на песчаном ливийском берегу, и Батт вышел в степь вознести молитву Аполлону. Вдруг он услышал страшное рычание: перед ним стоял лев. Батт взмолился к Аполлону, чтобы бог охранил его, безоружного, и от потрясения молитва слетела с его губ внятная и незаикающаяся. Так Батт избавился от недуга, а в Ливии была основана Кирена.

Новые города росли и богатели. Из колоний везли в Грецию зерно, металлы, рабов, из Греции в колонии – вино, оливковое масло, изделия кузнецов и гончаров. Греческие города в Италии величали себя «Великой Грецией», и о привольной жизни в них рассказывались чудеса. В Таренте было больше праздников в году, чем будней; тарентинцы говорили: «Мы одни живем по-настоящему, а все другие лишь учатся». В сицилийском Акраганте дома и обеды были так роскошны, что философ Эмпедокл сказал: «Здесь люди строятся так, словно им жить вечно, а едят так, словно им завтра умереть». А в Сибарисе были такие богачи, которые спали на розовых лепестках и еще жаловались, что им жестко. Слово «сибарит» с тех пор стало означать лентяя и неженку.

ВИЗАНТИЙ И ГОСТЕПРИИМНОЕ МОРЕ

Между Европой и Азией был пролив Босфор, что значит «бычий брод». На европейском берегу был построен город Византий, на азиатском – город Халкедон. Византий стал потом огромным городом Константинополем, который теперь называется Стамбул, а Халкедон стал небольшим его пригородом. Греки очень удивлялись, когда вспоминали, что Халкедон был основан раньше, а Византий позже: «верно, первые поселенцы были слепы на левый глаз, если выбрали себе худшее место!» На самом деле для первых поселенцев это было не худшее, а лучшее место. В Византии была замечательная гавань для проезжих кораблей, зато вокруг Халкедона были плодородные поля. А первые греческие колонии были не торговые, а земледельческие: люди уезжали из бесплодной Греции в поисках хлеба. Торговля пришла потом. Да и то сухопутные дороги из Византии тянулись в дикую Европу, а из Халкедона – в богатую Азию: Европа стала богатой и культурной лишь много позже.

Соперниками греков на Средиземном море были финикийцы. Вот у них все колонии были торговые: они открыли на далеком западе Испанию, богатую медью, оловом и серебром, и вывозили их на восток, где металлов не хватало. На середине этого пути они выстроили Карфаген; он стал хозяином западного Средиземноморья и запер грекам дорогу к Испании. Напротив Карфагена лежит Сицилия, западный ее край заняли карфагеняне, а восточный – греки, и войны между ними здесь не прекращались. Греческие корабли плавали по Средиземному морю только вдоль северных берегов, финикийские – только вдоль южных.

Черное море южные народы называли «Черным» уже в древности – за то, что оно было для них холодное и бурное. По-древнеирански это название звучало «Ахиаена». Грекам в этом слышалось звучание греческого слова «аксейнос» – «негостеприимное». Для врывающихся в море это был дурной знак, поэтому его нарочно переименовали в «евксейнос», «гостеприимное» – чтобы ублажить судьбу. Море по-гречески «понт», так Черное море и называлось «Понт Евксинский» до самых Средних веков.

ЗАКОНЫ

В новых городах раньше всего и появились писанные законы. Для городов Италии и Сицилии их писали мудрецы Залевк и Харонд, такие полусказочные, что сами греки их часто путали. Потом уже появились в Афинах законы Дракона, в Митиленах законы Питтака и т. д.

Греки помнили: что имеет начало, то имеет и конец. Старинные неписанные законы не имели начала, они восходили к незапамятным временам и потому соблюдались. Законодатели боялись, что к новым законам такого уважения не будет, что их станут менять и отменять. А иметь меняющиеся законы – это все равно что не иметь никаких. Поэтому прежде всего они заботились о нерушимости своих предписаний.

Кто захочет внести в закон хоть какое-нибудь изменение, постановили Залевк и Харонд, тот должен явиться в народное собрание с петлей на шее и сделать свое предложение. Если его отвергнут – он должен тут же на месте удавиться. Если при разбирательстве какого-нибудь дела одна сторона будет толковать закон так, а другая иначе, то оба спорящих должны явиться в суд с веревками на шее, и чье толкование будет отвергнуто, тот должен на месте удавиться.

Говорят, что эти меры помогли, и за триста лет в законы Залевка и Харонда внесены были только два улучшения. Первое было такое. В первоначальном законе говорилось: «Если кто кому выколет глаз, то сам должен лишиться глаза»; к этому было добавлено: «...а если выколет одноглазому, то должен лишиться обоих». Все согласились, что это справедливо. Второе было такое. В первоначальном законе говорилось: «Кто развелся бездетным, тому дозво-

ляется взять новую жену»; к этому было добавлено: «...но не моложе прежней». С этим тоже все согласились.

Если же от первого брака у человека были дети, то второй брак ему не разрешался совсем. У Харонда об этом сказано: «Кто в первом браке сумел быть счастливым, тот не порти себе счастья; кто не сумел, тот не повторяй несчастья».

Закон требовал слушаться всех, кто имел право приказывать. Если врач запрещал больному пить вино, а больной пил и выздоравливал, больного казнили за неповиновение врачу. Потому что кто не слушается приказов, тот не будет слушаться и законов.

За клевету, за трусость, за роскошь наказывали стыдом. Кто уличен в клевете, тот должен носить, не снимая, миртовый венок, чтобы все видели, с кем имеют дело. Кто уличен в трусости, тот должен три дня сидеть на площади в женском платье. А о роскоши закон гласил: «Тонкие ткани и золотые украшения лицам хорошего поведения носить воспрещается, лицам дурного поведения – разрешается».

Не все законы были такие мягкие. В Афинах первые писанные законы составил Дракон: в них за все проступки, малые и большие, назначалось только одно наказание – смерть. Его спрашивали, почему так строго. Он отвечал: «Ни меньшего, ни большего наказания я придумать не мог». Потомки говорили: «Драконовы законы писаны не чернилами, а кровью».

Встречались, конечно, и такие случаи, которые точно под закон не подходили. Законодателей спрашивали: «Чем пожертвовать: законом или человеком?» Законодатели отвечали: «Законом. Лучше, чтобы остался безнаказанным виновный, чем оказался наказанным невинный: первое – ошибка, второе – грех».

Вообще же законы следовало соблюдать во что бы то ни стало. «Лучше дурные законы, которые соблюдаются, чем хорошие, которые не соблюдаются», – говорили греки. Оба древнейших законодателя показали это своим примером. У Залевка сын совершил преступление, за которое по закону полагалось выколоть оба глаза. Залевк не стал его оправдывать и только попросил суд, чтобы один глаз выкололи у сына, а второй – у него самого. Что сказали на это судьи, мы не знаем. Харонд запретил в законе появляться в народном собрании при оружии, а сам однажды, преследуя врага, вбежал в собрание с мечом на боку. «Ты нарушаешь собственный закон, Харонд!» – крикнули ему. «Нет, подтверждаю!» – ответил он, выхватил меч и пронзил себе грудь.

СОЛОН-МИРОТВОРЕЦ

Самым мудрым из законодателей этого времени считался афинянин Солон.

Он был не только мудрец, но и воин и поэт. Первую свою славу он приобрел вот как. Афины вели войну с Мегарою за остров Саламин. Афиняне потерпели такое поражение, что в отчаянии собрались и постановили: от Саламина отказаться навсегда, а если кто вновь заговорит о войне за Саламин, того казнить смертью. Но Солон придумал, как заговорить о запрете. Он притворился сумасшедшим, который не может отвечать за свои слова. Всклокоченный, в рваном плаще, он выбежал на площадь, вскочил на камень, с которого выступали глашатаи, и заговорил с народом стихами. В стихах говорилось:

...Лучше бы мне не в Афинах родиться, а в месте безвестном,
Чтобы не слышать укор: «Сдал он врагам Саламин!»
Если ж афиняне мы, то вперед – и на остров желанный!
Смело на бой, чтобы смыть с родины черный позор!

Услышав эти стихи, народ словно сам обезумел: люди схватили оружие, бросились в поход, одержали победу и заключили мир. Доводы, которыми помогла им получить Саламин «сказка на каждом шагу», мы уже пересказали в другом месте.

Когда в Афинах внутренние раздоры дошли до предела, Солон был избран архонтом для составления новых законов. Он сделал, говорят, очень многое. Он запретил в Афинах долгое рабство и вернул кабальным должникам отнятые у них надельные участки. Он допустил к участию в народном собрании не только богатых «всадников» (у которых хватало средств на боевого коня), не только зажиточных «латников» (у которых хватало средств на тяжелый доспех для пешего строя), но и неимущих «поденщиков», которых было очень много. Для предварительного рассмотрения дел он поставил во главе народного собрания «совет четырехсот». Солон говорил, что новый совет и старый Ареопаг – это два якоря государственного корабля, на которых он вдвое крепче будет держаться в бурю.

Но греки гораздо лучше запомнили не эти, а другие законы Солона – те, которые служили воспитанию гражданских нравов.

До Солона был закон: «Кто терпит обиду, тот может жаловаться в суд». Солон его изменил: «Кто видит обиду, тот может жаловаться в суд». Это учило граждан чувствовать себя хозяевами своего государства – заботиться не только о себе, но и о других.

До Солона считалось, что междоусобные раздоры – это зло, и сам Солон так считал. Однако он издал закон: «Кто во время междоусобных раздоров не примкнет ни к одной из сторон, тот лишается гражданских прав». Это учило граждан быть хозяевами своего государства не только в мыслях, но и на деле: где все привыкли быть недовольными сложа руки, там властью легко овладеет жестокий тиран.

Власти не любили, когда народ в разговорах обсуждал и осуждал их действия, а народ не любил, когда ему это запрещали. Солон издал закон: «Бранить живых людей запрещается в правительственных зданиях, в суде, в храмах, в торжественных процессиях» (а разрешается, стало быть, и на улице, и на площади, и дома). И добавил: «Бранить же мертвых запрещается везде» – потому что мертвые бессильны защищаться.

Законы Солона учили трудолюбию. Был закон: «Кто не может указать, на какие средства он живет, тот лишается гражданских прав». Говорили, что этот закон Солон заимствовал у египтян. Был другой закон: «Если отец не научил сына никакому делу, то такого отца такой сын не обязан содержать в старости». Этот закон Солон ввел сам.

Законы учили уважать трудолюбие даже в животных. Запрещалось убивать пахотного быка, «потому что, – говорилось в законе, – он товарищ человеку по работе».

Солон больше всего гордился тем, что не дал своими законами перевеса ни богатым и ни бедным, ни знатным и ни безродным, ни землевладельцам и ни торговцам:

Я меж народом и знатью, щитом прикрывая обоих,
Стал, – и ни тем ни другим кривдой не дал побеждать.

Конечно, это ему только казалось: там, где он видел справедливое равновесие, мы бы вряд ли это увидели. Но его убеждение, что главное в мире – закон и главное в законе – чувство меры, осталось грекам близко во все века.

КАК ЩИТ СОЗДАЛ ГРЕЦИЮ

У древнегреческого круглого щита было две рукоятки: одна в середине, в нее просовывали руку по локоть, и другая с краю, ее сжимали в кулаке. Так было не всегда: это изобретение приблизительно конца VIII века до н. э. Как раз в это время в Греции устанавливался тот гражданский строй, какой мы знаем: республики с народным собранием и государственным

советом, без таких царей и вельмож, которых описывал еще Гомер в «Илиаде». И некоторые историки думают, что одно с другим связано.

Пока на щите была одна рукоять, в середине, твердо удерживать его было гораздо труднее. Приходилось делать щиты меньшего размера, которые едва прикрывали тело одного бойца. Такая пехота сражалась врассыпную и, конечно, была слабее, чем всадники, а тем более колесничники: а именно с боевых колесниц сражались гомеровские цари и вельможи. На этом и держалась их сила в военное время – а стало быть, и власть в мирное время.

Когда появилась вторая рукоять, круглый щит сразу стал шире (легко прикинуть: два локтя в поперечнике). Это значило: два воина, ставши рядом, прикрывали краями своих щитов друг друга. А строй воинов, ставших в ряд, оказывался прикрыт сплошной стеной щитов и неуязвим для ударов противника. Так благодаря новому щиту вместо рассыпного боя появился сплоченный строй; а благодаря строю – главной военной силой стала тяжеловооруженная пехота. А значит, и в мирное время главной силой государства почувствовали себя те среднезажиточные люди, у которых хватало средств на тяжелое вооружение с панцирем и щитом. Их количество исчислялось уже не десятками, а многими сотнями и даже тысячами. С этого и начался долгий путь греческого общества к демократии.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.